



Елена Кондаурова
Хранительница

Серия «Там, за синими морями...», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171284
Е.Кондаурова Хранительница: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-049746-1, 978-5-9713-8360-4*

Аннотация

Они – изгои.

Изгои, поставленные в землях Ольрии, Вандеи и Грандара не только вне закона, но и вне религии. Ибо ни суровый покровитель воинов Бог-Отец, ни даже милосердная Богиня-Мать не жалеют, как говорят жрецы, покровительствовать безродным преступникам...

Но именно эти люди – суровый разбойник Таш и веселый, красивый мошенник Самконг, хитрый карманный вор Франя, жестокие «солдаты удачи» Крок и Бадан и «ночная красавица» Лайра – окажутся единственными, кто готов прийти на помощь истерзанной молоденькой девочке, владеющей загадочным магическим даром.

Даром, которому, возможно, предстоит изменить однажды судьбу всего мира...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елена Кондаурова

Хранительница

Пролог

На закате, когда последние лучи солнца окрасили изысканный фасад Белого храма в нежно-розовый цвет, по его открытой веранде со множеством резных колонн торопливо шла девушка. Зябко кутаясь от влажного прохладного ветра в белый плащ, она низко надвинула на лицо капюшон, как будто опасалась быть узнанной, и ее быстрые шаги раздавались в тишине четким ритмичным перестуком. Дома ее звали Ирина, Ирка, Иринка, но здесь ее имя плохо согласовывалось с местными традициями и еще хуже с произношением, и ее называли то Ир-рха, то Ир-рхинэй, к чему она уже давно привыкла и не пыталась изменить. За пять лет еще и не к такому привыкнешь, а сегодня исполнялось ровно пять лет с тех пор, как она появилась в этом храме.

«Юбилей! – горько усмехнулась она про себя. – Надо будет зайти к Айе, что ли... отметить как-нибудь!» Хотя отмечать не слишком хотелось. Ее учитель Кибук выжал из нее сегодня все, что было, отпустив только тогда, когда понял, что она уже ни на что не годна. Впрочем, вчера он сделал то же самое. И позавчера тоже. Ир-рха решила, что не позволит никому испортить себе праздник, и повернула налево, туда, где за поворотом среди многих других была келья Айи.

Уже подходя к нужному коридору, она поняла, что никакого праздника сегодня не получится. Дверь в келью Айи была распахнута, а вокруг толпились жрецы и рыцари-храмовники. Ир-рха проскользнула между ними, награждая недовольных ее вторжением испепеляющими взглядами. От нее привычно шарахнулись, не желая связываться, и она застала как раз тот момент, когда учитель Айи поднялся над ее распростертым на полу окровавленным телом и сказал:

– Все.

Все – это значило *все*. Нет больше веселой хохотушки Айи, лучшей подруги за последние пять лет. Это значило, что не с кем будет праздновать этот дурацкий юбилей, не к кому будет прийти пожаловаться на последнюю сволочь Кибука.

Ир-рха мертвым, остановившимся взглядом смотрела, как то, что осталось от ее подруги, небрежно укладывают на носилки и стыдливо прикрывают белой простыней.

Это – все.

Она оторвала глаза от простыни и тупо обвела ими комнату Айи. О боже, крови-то сколько!

Способность слышать она обрела только через несколько минут, и в ее уши сразу влился начальственный голос учителя Айи, отчитывавший заляпанного кровью рыцаря-храмовника, с высокомерным видом прислонившегося к стене.

– А вам за эту выходку я назначаю две недели карцера и месяц внеочередных дежурств! Чтобы в другой раз неповадно было! Чем вы компенсируете мне потерю ученицы, жалкий солдафон?!

Что?!

За жизнь Айи – *две недели карцера???*

Наверное, в другое время она расхохоталась бы над абсурдностью ситуации. Но только не теперь. Не теперь, когда не стало Айи, не теперь, когда за ее жизнь назначили смехотворно малую цену, не теперь, когда самой Ир-рхе вспомнились все обиды и унижения, пережитые ею за последние пять лет. Не вполне осознавая, что она делает, Ир-рха открыла рот и закры-

чала. Закричала так, что от звуковой волны попадали стоявшие вокруг люди, зажимая ладонями свои несчастные уши. А потом здание храма вздрогнуло, и стена, на которую опирался окровавленный убийца Айи, съехала со своего места и с треском впечаталась в противоположную стенку, всей своей тяжестью придавив несчастного рыцаря. Крик Ир-рхи не замолкал, и по храму пробежала дрожь, в которой все, кто в нем находился, ощутили агонию умирающего живого существа. Страх подстегнул кого-то из жрецов, стоявших позади кричащей девчонки, и ей попросту отключили сознание, прекращая все это безумие.

* * *

А где-то через час на совете мудрейших и светлейших разразился грандиозный скандал. Козлом отпущения на нем выступал не кто иной, как наставник вышедшей из-под контроля ученицы Кибук. Которому все мудрейшие и светлейшие казались сейчас похожими на свору взбесившихся и окруживших его со всех сторон собак.

– Как вы могли такое допустить? – нападали они на него. – Вы же не могли забыть пророчество! Между прочим, его написала ваша собственная сестра!

Он защищался изо всех сил.

– Но откуда я мог знать?

– Вы должны были предполагать такую возможность! Почему вы не проверили ее?

– Я ее проверял!! Не было никаких намеков на то, что это – она!

– Да-а?! А вы вообще читали пророчество? Белая дева, прекрасная видом...

– Да не была она прекрасной видом, когда я ее сюда приволок! Она была обычной замухрышкой, я сам ее сделал «белой девой»!

– Ах вы еще и сами это сделали! Да как вы могли!!!

После этого Кибук решил, что его разорвут на куски. В принципе он их не осуждал. Кому охота становиться обычным смертным? Ему и самому неохота. Наконец, кто-то из сохранивших остатки здравомыслия сказал:

– А что, если?.. – И, когда все замолчали, продолжил: – А что, если мы сотрем у нее память? И отправим на материк? А?

Все задумались.

– Да, пожалуй, ведь договориться с ней нереально, думаю, с этим никто не будет спорить, а убить ее мы не можем...

– Для нас спокойнее было бы, если бы она жила, а то мало ли...

– А если на материке ее убьют, мы здесь будем ни при чем, и ни храм ни источник не пострадают...

– Главное, чтобы она не колдовала...

– Господин Кибук!!! – Ну, этого следовало ожидать! – Мы поручаем это дело вам! Вы заварили эту кашу, вы ее и расхлебывайте!

Кибук поклонился, вышел из зала совета и отправился к себе. Вот так и происходит крушение всех надежд! Мало того, что он теряет свою самую лучшую, самую способную ученицу, так она еще и оказывается тем самым кошмаром для его родного храма, пришествие которого предсказала еще полторы тысячи лет назад его родная сестра Селия. Вот стерва, не могла выдумать предсказание попроще! Нет, она, как в насмешку, сделала в нем вилку! Либо эта белая дева разрушит храм, либо, если ее убьют, храм рухнет сам. Вместе с источником. Широко шагая по той самой веранде, где недавно прошла его ученица, Кибук с самым издевательским выражением, на которое был способен, сквозь зубы бормотал самому себе вслух строчки, известные в храме даже последнему послушнику:

Белая дева, прекрасная видом,

«Замухрышка, и больше никто!»

Рожденная звездами чуждого мира,

«Грязная пародия на мир!»

Силу получит от нашей богини —

Пусть светлый источник трепещет отныне!

«Да как у Селии язык повернулся, сказать такое про светлый источник!»

Богиня судила ей путь – разрушение!

Но если кому не по нраву решение,

То смерть белой девы им не поможет!

Вернее в сто раз она храм уничтожит!

«И что с ней теперь прикажете делать?»

Все зло и порок она смывает с земли

Где, волей богини, жизнь сохранит!

«Хранительница нашлась, тоже мне!»

Глава 1

В то раннее утро, совершенно обычное солнечное утро ранней осени, Таш собрался идти на рынок. Он хотел присмотреть себе новую лошадь. Его старый конь, верный товарищ на протяжении нескольких лет, и так уже основательно сдавший за последние полгода, недавно захромал. Знахарь по всем лошадиным болезням, старый Аскел, сказал, что может вылечить коня от всех болезней, кроме старости. А от старости, как известно, даже боги вылечить не смогут. И Таш, полгода старательно закрывавший на это глаза, с тяжелым сердцем признал, что его конь, столько раз спасавший ему жизнь, служить ему более не сможет. Он понимал, что подобная сентиментальность не для изгоя, что тупому извергу не должно быть даже известно такое заумное слово, но на сердце от этого понимания легче не становилось.

С возрастом начинаешь ценить прелесть простых радостей жизни: запах свежего воздуха, вкус чистой воды, верность любимого коня.

Народа на центральном рынке Олгена, как всегда, было много. Огромная площадь, которую он занимал, была битком забита теми, кто желал что-нибудь продать или купить. Где-то в толпе наверняка работали Франины пацаны, собирая свой урожай в виде кошельков, срезанных с поясов законопослушных граждан, и уж точно оттачивали свое мастерство ученики рыжего мошенника Бадана. Их специальность была, конечно, более доходной, но и неизмеримо более опасной, чем у Франиных карманников, потому что любой из тех простофиль, которых они надували, мог, в качестве последнего аргумента, потребовать показать правую руку. А на правой руке у всех без исключения ребят Бадана, так же, как и у Франиных пацанов, так же, как и у самого Таши, стояло клеймо.

Таш прошелся по рядам барышников, но быстро понял, что нужного коня он сегодня не купит. Еще со времен своих скитаний по степи он отдавал предпочтение коням степняков – серым, как его Дымок, выносливым и умным. А здесь были только гнедые и черные, привезенные с побережья, которых так ценят в здешней армии. Даже у самого князя такой конь: черный, как небо в безлунную ночь, огромный, как скала, и выхоленный, как любимая наложница саварнийского царя. Это было завораживающе красивым зрелищем – наблюдать, как под лоснящейся, как мокрый шелк, шкурой прекрасного зверя зримо перекачиваются тугие мышцы.

Когда князь выезжал на нем в город, народ с ума сходил от верноподданнических чувств. Наверное, на это и рассчитывал молодой правитель. Пусть права на престол у него и птичьи, зато конь – всем на зависть. Только вот был у этого коня один маленький, но серьезный недостаток – навязчивое желание сбросить своего хозяина, как мальчишку, и желательно при всем честном народе. И то, что он все еще этого не сделал, объясняется, скорее всего, тем, что он просто пока не выбрал подходящую канаву.

Конечно, скрыть непокорный нрав княжеского коня от зорких глаз лошадников было невозможно, по столице всюду гуляли шутки и анекдоты, но Таши во всей этой истории удивляло не это. Его удивляло упорное нежелание князя заменить упрямую скотину, которая доставляла ему столько неприятностей, на более покладистую. Это означало только одно: либо молодой князь непроходимо глуп и просто не понимает, что делает, либо у него жесткий характер и стальные нервы. И упрямства больше, чем у его коня.

Уже возвращаясь, Таш решил заглянуть к Мерку, без которого на этом рынке не делалось ни одного серьезного дела, поздороваться. Мерк был мужик деловой, ответственный и в меру жесткий, что и позволило ему продержаться на этой «должности» столько вре-

мени, сколько до него не удавалось никому. Таш свернул за ряды работорговцев и с понятным отвращением прошел мимо телег с клетками, в которых они возили свой товар. Там было безлюдно, лошади мерно хрустели сеном и лениво помахивали хвостами. Он прошел почти весь ряд, как у предпоследней телеги его взгляд невольно упал на сидящее около нее существо – грязное, оборванное и лохматое. Несмотря на это, оно было приковано за ногу к тяжелому тележному колесу. Таш удивленно приподнял брови. За свою долгую жизнь он видел немало грязных людей, но это было нечто – оно как будто месяц провалялось на всех помойках города, и запах от него шел такой, что шибал в нос за десять шагов. Странно, что это сокровище настолько кому-то нужно, что его приковали, чтобы не убежало. Но еще более странно то, что оно, не поднимая головы, усердно, с каким-то отчаянным упорством, пыталось перепилить маленьким обломком железа деревянную спицу в руку толщиной, за которую было приковано. Однако, характер!

Таш невольно замедлил шаг, желая разглядеть это существо. Сначала он даже не понял, мужчина это или женщина. Потом заметил тонкие запястья и лодыжки и решил, что это женщина, хотя не мог себе представить, как женщина могла довести себя до такого состояния. В этот момент она подняла голову и посмотрела на него.

О боги, бывают же на свете такие глаза!

Укорив себя за неуместное восхищение, Таш отвернулся и прошел дальше к небольшому деревянному домику, зажатому между двумя высокими каменными магазинами, которые, само собой, тоже находились под контролем Мерка.

В доме Мерка не оказалось, но его помощники, едва увидев, кто изволил их навестить, мигом отправились на его поиски. Остался всего один, так сказать, для порядка, совсем еще молодой парень, почти мальчишка. Сидя за письменным столом, он пытался делать вид, что пишет, но только сажал на бумагу кляксы, поглядывая при этом на гостя с почти потусторонним ужасом. Ташу стало смешно и противно.

«Ну вот, дожил, скоро твоим именем будут пугать детей! – сказал он себе, выходя на улицу. – А они будут плакать и делать в штаны, как этот...»

Впрочем, этого Таш не жалел. Трусые, как правило, среди изгоев не задерживались. Если и не прокалывались на чем-нибудь, то с ними быстро разбирались свои. Ненадежный друг намного, намного опаснее врага, а в жизни изгоев опасности и так превышали все разумные нормы.

Таш уселся на завалинку и принялся от нечего делать разглядывать щекочущую колесную спицу рабыню. Солнце светило почти по-летнему, и он с удовольствием подставил лицо его ласковым теплым лучам. «Прямо старик!» – усмехнувшись, подумал он. Что ж, в какой-то степени так оно и было. Сорок лет – это, при его образе жизни, приличный и вполне почтенный возраст. Таш часто в последнее время думал, что зажил на этом свете просто до безобразия, иногда даже становилось стыдно перед погибшими намного раньше друзьями.

«Интересно, что бы они подумали, если бы увидели меня на завалинке греющим свои старые кости? Наверное, тыкали бы пальцами и умирали со смеху!» – размышлял он, покусывая по старой привычке ус. Впрочем, насчет старых костей он пока преувеличивал. Он сам знал, что ему еще сам змей не брат, и дело тут не в силе, которой богиня тоже не обидела. Опыт – его со счетов не сбросишь, даже если захочется. Если уж прошел все то, через что довелось пройти немолодому изгою, то поневоле научишься выживать.

Чутье заставило Таша открыть глаза и повернуться в сторону рынка. Оттуда к нему направлялся Мерк с одним из помощников. Проходя мимо рабыни, он что-то негромко бросил ей, отчего помощник расхохотался, а она так сверкнула на него глазами, что чуть искры не посыпались.

– День добрый, уважаемый! – сказал Мерк, подходя к Ташу. – Пройдем в дом?

Тот покачал головой. Опять смотреть, как трясутся руки у писаря?

– Нет. Садись. Тут поговорим.

Мерк сел. Ненавязчиво поинтересовался причиной визита, пытаясь окольными путями выяснить, не проявляет ли недовольство его деятельностью Самконг. Услышав, что Ташу всего лишь нужен конь, заметно обрадовался, пообещал сразу дать знать, если появятся такие, какие ему нужны. Поделится кое-какими своими проблемами, не решаясь, однако, прямо попросить о помощи, на что Таш только усмехнулся в усы. Заставлять работать своих парней за просто так он не собирался. Или пусть просит помощи как положено, или нечего давить на жалость.

Солнце медленно поднималось к зениту, становилось жарко.

Грязная рабыня в десяти шагах от них продолжала пилить свою деревянную спицу.

– Что ты ей сказал? – неожиданно для самого себя спросил Таш.

– Кому? – не понял Мерк.

– Ей. – Он кивнул на грязнулю.

– А это она? – удивился тот. Присмотрелся. – Да, действительно. Я спросил: что, портишь хозяйское имущество? – И осклабился в улыбке, в которой не хватало половины передних зубов.

Таш тоже улыбнулся, хотя шутка и не показалась ему смешной. Рабыня не могла не понимать, что скрыть то, что она делала, ей не удастся и она нарвется на побои или плеть. Но... Змей ее побери, характер, однако!

– Таш, ну так что?.. Ну, насчет того... – Мерк опять заюлил, пытаясь поторговаться, и Таш на некоторое время отвлекся.

Когда он, четко определив условия и назвав свою цену, снова повернулся в ту сторону, оставив Мерка в глубоких раздумьях, то к рабыне уже подходил хозяин – дюжий детина, сопровождаемый надсмотрщиками и вереницей непроданных рабов. А дальше события стали развиваться в точности так, как он и предполагал: разъяренный хозяин сначала двинул ее по лицу, а, когда она упала в пыль, стал пинать ногами. Надсмотрщики тоже подтянулись, поигрывая плетками. Она сжалась, прикрывая руками голову, а Ташевы глаза вдруг красной волной заволокла самая настоящая ярость. Твою мать, всякие жалкие ублюдки останутся тут коптить небо, а эта безрассудно храбрая тетка уже сегодня будет прислуживать змею в аду?!

Задумавшийся Мерк не заметил, как его гость оказался рядом с не на шутку разошедшимся хозяином грязной рабыни. Сорвался следом за Ташем, не понимая толком, что происходит, и надеясь, по возможности, погасить конфликт в самом начале. Ему совсем не нужны были ни лишний шум, ни лишнее внимание.

К счастью, Таш, проявив редкое благоразумие, не стал сразу убивать не угодившего ему торговца, а всего лишь заломил ему руку. Надсмотрщики бросились было на выручку своему хозяину, но наткнулись на предупреждающий взгляд Мерка. Его худую и постную физиономию на рынке знали все, и потому надсмотрщики предпочли не вмешиваться.

– Тебя как зовут? – спокойно спросил Таш.

– Какон! – сквозь зубы простонал торговец.

– Сколько ты хочешь за нее, Какон?

Какон имел неосторожность дернуться.

– Она не продается! – И тут же едва ли не ткнулся носом в землю.

– Я не спрашиваю, продается она или нет, я спрашиваю, сколько ты за нее хочешь?

– Да зачем она тебе, она же... – Тут он вывернул шею, чтобы посмотреть на своего мучителя, и увидел стоящего рядом Мерка. Этого оказалось достаточно.

– Тридцать, тридцать, твою мать! – сдался Какон и тут же почувствовал, что свободен.

Отскочил от Таши подальше, нервно растирая саднящую руку.

– Ты совесть-то имей, Закон! – недобро глядя на него, заметил Мерк. – Ты что, еще не понял, на кого лапу поднял, щенок? Она стоит всего пару монет, да и то неизвестно, что там под грязью! Может, прибить проще.

– Да ладно, Мерк! – усмехнулся Таш, доставая кошель и высыпая деньги. – Она у него, похоже, любимая! Вон как он ее... ласкает! – Он протянул торговцу тридцать монет. – Держи, Закон. Когда-нибудь еще гордиться будешь, что у тебя сам Таш рабыню купил!

Закон, как видно, был в курсе, кто такой Таш, потому что немного спал с лица и послушно протянул руку за деньгами. Тот высыпал монеты в его ладонь, больше похожую на лопату, и спросил:

– Ну, что, в расчете?

Закон нехотя кивнул и зажал золото в кулаке.

Таш, в глазах которого бесновались свигрики, повернулся к Мерку.

– Мерк, друг мой, – от такого обращения упомянутый друг чуть не свалился в обморок, хотя никогда не отличался повышенной чувствительностью, – не одолжишь мне какую-нибудь клячу?

* * *

Таш жил не очень далеко от рынка, в тихом районе с «романтичным» названием Закорючка. Это неказистое название вовсе не означало презрительного отношения к своему району живущих в нем горожан. Просто формой он, ограниченный с двух сторон обрывистыми берегами речки Быстринки, а с третьей – заливными лугами, чрезвычайно напоминал именно закорючку. Место же это в целом было хорошее, недалеко от рынка, и старый центр рядом, и храмовый комплекс неподалеку. Ну, положим, Таша при выборе места жительства меньше всего интересовала близость храмового комплекса, потому как изгоем боги ни к чему. Гораздо важнее для него было то, что поместье его старого друга и почти брата Самконга находилось всего в нескольких минутах ходьбы от купленного им дома.

Никто из «семьи», включая Самконга, с которым они дружили уже больше двадцати лет, не понимали странного желания Таша обзавестись собственным домом, да еще в таком добропорядочном районе, как Закорючка, но требовать у него объяснений желающих как-то не находилось. Да, честно сказать, он и сам не знал, зачем ему этот дом. Жить он мог бы и у Самконга, в крайнем случае, если бы потребовалось уединение, можно было бы занять квартиру в одном из принадлежащих им домов, да и дела в поместье требовали его постоянного присутствия. Все оставшееся от дел время забирали ученики, и он часто уходил домой поздно вечером, что давало Фране повод сострить, что, наверное, Ташу в его новом доме хорошо спится, раз он уходит туда только на ночь.

А Ташу действительно там хорошо спалось, и он был уже в том возрасте, когда мог себе позволить не обращать внимания на мнение окружающих. Ему нравилось там, в тихой уютной Закорючке, под крышей небольшого деревянного домика, окруженного запущенным садом. Это немного напоминало времена его детства, когда он еще жил с матерью, хотя между Ольрией и Грандаром было не слишком много общего.

* * *

Таш неторопливо шагал по улочкам Олгена, ведя в поводу лучшую лошадь Мерка, на которой ехала его новая рабыня. Из носа у нее постоянно капала кровь, пачкая дорогое седло, но она не вытирала ее, потому что обе руки у нее были заняты. Одной она держалась за луку седла, а другой – за левый бок. Таш иногда поглядывал на нее, опасаясь, как бы не упала, но она, сжав зубы, держалась, стараясь не слишком наклоняться вперед.

Они отъехали от рынка и свернули в старый центр. Когда-то давно этот район, вмещающий в себя сейчас только дворцовый комплекс, да несколько старых храмов, и был весь Олген. Народу тогда здесь проживало намного меньше, и все помещались за каменными городскими стенами, окруженными глубоким рвом. Тогда, в незапамятные времена, Ольрии еще случалось защищаться от врагов. Сейчас бревенчатая крепостная стена вокруг нового города давала возможность защититься только от тех, кто не желал платить пошлину, проезжая через городские ворота. Размышляя о том, как тяжело пришлось бы Олгену, окажись он вдруг в осаде, Таш вел свою нестерпимо воняющую рабыню по утопающей в зелени улочке, в которую с годами превратился ров, а справа от них возвышался небольшой холм, на котором еще валялись кое-где обломки кирпичей от старых крепостных стен.

– Как тебя зовут? – спросил Таш сидящую на лошади женщину. У нее был такой вид, как будто она сейчас свалится.

Она подняла голову и, отняв руку от левого бока, попыталась вытереть текущую из носа кровь.

– У меня нет имени.

– Потеряла? – хмыкнул Таш.

– Забыла.

– Вот как? – Он никогда не слышал о таком, но лезть в душу не собирался. Не хочет говорить – не надо. – А родня у тебя есть?

– Родню я тоже забыла, – устало ответила она. – Я вообще ничего не помню.

Вот как?! Таш обернулся и еще раз внимательно посмотрел на свое приобретение. И что теперь прикажете с ней делать?

– А откуда ты родом, тоже не знаешь?

Она едва заметно качнула головой.

– Нет.

Таш отвернулся. Ладно, потом поговорим.

Когда они подошли к дому, солнце уже давно перевалило за полдень. Около самых ворот, когда Таш уже вошел во двор, рабыня побелела так, что даже сквозь грязь было заметно, и начала медленно сползать с лошади. Выругавшись сквозь зубы, Таш подхватил ее на руки и занес в дом. Дорминда, его пожилая служанка из местных, которая обычно приходила убираться по утрам, уже ушла домой, и Таш понял, что ему самому придется приводить рабыню в божеский вид. Он положил ее на лавку возле печки, а сам начал наливать воду из бочки, стоящей в углу, в чан для купания. Наверное, надо было дожидаться, когда она придет в себя и вымоется сама или позвать Дорминду, но вонь от нее была такой невыносимой, что даже Таш, которого жизнь давно отучила от излишней брезгливости, недовольно морщил нос. Наскоро согрев воду, он принялся стаскивать лохмотья со своего неожиданного приобретения.

И сразу начал материться. Сначала про себя, а потом и во весь голос. Потому что вся спина ее представляла собой одну большую рану. Тут поработали кнутом, и Таш даже догадывался, кто именно. И это не считая сегодняшних хозяйских «ласк». Все еще матерясь, он поднял ее, положил в чан с водой и осторожно начал смывать с нее грязь, и постепенно становилось ясно, что лет рабыне намного меньше, чем ему показалось вначале. Что-то между семнадцатью и двадцатью, не старше. Совсем еще ребенок. Таш удивился, никогда раньше он не ошибался настолько. Он почему-то был уверен, что она намного взрослее.

Ее неопрятные, висевшие космами, неопределенного цвета волосы после мытья оказались совсем светлыми, что было редкостью здесь, в Ольрии, населенной сплошь черно-волосыми и смуглыми людьми. Кожа тоже была белой, но от болезненной худобы казалась почти прозрачной, и Ташу было видно, как бьется голубая жилка у нее на виске. Черты лица,

не особенно красивого по местным меркам, были тонкими, руки – нежными, а посмотрев на ее пятки, Таш мог бы поклясться в том, что она никогда в жизни не ходила босиком. Все ее тело, несмотря на раны и худобу, было прекрасным, как статуя. Таш, усмехнувшись, подумал, что никогда не держал в руках ничего подобного.

«Пресветлые боги, кого вы привели в мой дом? – сквозь зубы поинтересовался он, вытаскивая свою покупку из чана. – И как это чудо из хорошей семьи ухитрилось оказаться в таком положении?» Боги, разумеется, промолчали, с какой стати им разговаривать с изгоем?

Таш отнес ее на кровать в одну из нежилых комнат, которую прежние хозяева использовали как спальню. Она не приходила в себя, и это начало его беспокоить. Надо было сходить за лекарем, но он не хотел оставлять ее одну. Мало ли что взбредет ей в голову с таким-то характером? Потом все-таки вышел на улицу и позвал соседского мальчишку. Приказным тоном, пока тот не сообразил, кто и куда его посылает, Таш отправил его к Загену, в утешение сунув пару медяков. Заген был лекарь, который приехал с ними из Вандеи. Он жил неподалеку и лечил их всех вот уже лет десять.

Тот, к счастью, оказался дома, и пришел к Ташу довольно быстро.

– Ну, что тут у тебя стряслось? – спросил он Таша, пожимая ему руку. Тот молча провел его в комнату и показал на кровать. Лекарь несколько секунд удивленно смотрел на Таша – раньше тот ничего подобного не выкидывал, – а потом решительно выставил его за дверь.

– Нечего тебе тут торчать, напугаешь еще.

Таш хотел возразить, но передумал и пошел на кухню. Ему захотелось выпить. Лекарь закончил довольно быстро и присоединился к хозяину.

– Ну что тебе сказать, друг мой Таш, – начал отчитываться Заген, после того как парой глотков осушил большой стакан вина, – в принципе ничего страшного. Переломов нет, для спины я оставлю мазь, а синяки и ссадины не в счет. Опухоль на боку – тоже вроде ничего страшного, но точно пока не скажу. Может, ребро треснуло. Это ее ногами, что ли? – Таш кивнул. – Пусть полежит несколько дней. Конечно, надо понаблюдать за ней. Я буду приходить.

– А когда она придет в себя?

Заген только пожал плечами.

– Не знаю. Сегодня ночью, завтра, может, и завтра ночью. Трудно сказать. А кто ее так?

– Хозяин. Теперь уже бывший.

– Ясно. И за сколько ты ее купил, если не секрет?

Таш ухмыльнулся.

– Не секрет. За тридцать.

– Всего-то? – удивился Заген. – Да она стоит минимум две тысячи! Как тебе это удалось?

– Да так, случайно.

– Ничего себе «случайно»! – воскликнул Заген, но развивать эту тему не стал, по опыту зная, что, если Таш не хочет говорить, то расспрашивать его бесполезно, а иногда и небезопасно. Поэтому он заговорил о другом. – Слушай, Таш, я вот что хочу тебе сказать: непростая твоя девочка, очень непростая. Ты ее руки видел?

– Ну, видел. – Таш не очень понимал, к чему лекарь клонит.

– Ну, видел! – передразнил его Заген. – Видел, да не понял ни хрена! Конечно, хиромант из меня никудышный, но даже я вижу, что линии у нее очень странные. А родинку ты, надеюсь, заметил? – Таш покачал головой. – Нет? Я так и думал! Тоже странная. – Он немного помолчал, ожидая, что Таш как-то отреагирует на все это. Но тот, не желая высказывать свое мнение на этот счет, промолчал. И Заген, не дождавшись от него ничего вразумительно, продолжил весьма, на взгляд Таша, нелогично: – Продад бы ты мне ее, а, Таш? Я хорошую цену дам.

– Она не продается, – чуть усмехнувшись в усы сказал Таш. Он уже принял решение и отступать от него не собирался.

– Ну что ж, на нет и суда нет! – сказал Заген, поднимаясь. – Я зайду завтра.

– Нет, погоди, – остановил его Таш. – Мне надо уйти ненадолго, а оставлять ее одну я не хочу.

Заген пожал плечами.

– Ну, если ненадолго, то иди, я посижу с ней.

* * *

Таш, злясь на себя, на рабыню и на весь мир за потерянный день, пошел обратно на рынок. Проще всего было вернуть девчонку родителям. Вряд ли они сами продали ее в рабство, по ней незаметно, чтобы они были бедными.

Покупатели с базара давно уже разошлись, а некоторые торговцы, экономя выручку, поставили шатры прямо там, где утром продавали свой товар. Оно и верно. Цены на постоянных дворах Олгена здорово кусались, да и провести время весело там бы не дали. Пьяных и буйных постояльцев оттуда выбрасывали без зазрения совести, и деньги, уплаченные за постой, не возвращали. Погулять так, чтобы мало не показалось, можно было лишь на окраинах, но это тоже могло влететь в копеечку. Там обычно отирались ребята Валдея и обирали таких вот разгулявшихся до нитки. Так что торговцы правильно сделали, что не пошли туда, им и здесь удалось устроиться с комфортом.

Таш не знал наверняка, здесь Какон или он все же рискнул отправиться на поиски приключений. В том, что ему непременно захочется сегодня напиться, Таш почему-то не сомневался. Или он совсем ничего не понимал в людях. Он и так сегодня один раз уже ошибся в человеческой природе, но второй ошибки за один день быть просто не могло.

И действительно, Какон обнаружился около одного из костров, уже сильно набравшийся и, судя по всему, собирающийся напиться, как минимум, до поросычьего визга. Таш не собирался этого дожидаться и потому подошел к костру. Веселящийся народ, узнав того, кто почтил их своим присутствием, сразу перестал веселиться. Разговоры как-то сошли на нет, и воцарилась тишина. Таш похлопал Какона по плечу и кивнул в сторону, предлагая отойти. Тот, пошатываясь, встал и на нетвердых ногах побрел подальше от костра. Когда счел, что отошел достаточно, обернулся и уставился на Таша все тем же ненавидящим взглядом.

– Ну, что, пришел просить, чтобы я забрал ее обратно? – Похоже, выпивка сделала его безразличным к своей дальнейшей судьбе.

– Нет, – очень спокойно ответил Таш. – Я пришел узнать, как она к тебе попала?

– Да на хрена тебе это? – пьяно удивился Какон.

Таш коротко двинул ему в ухо. Не сильно, а так. Чтобы выбить хмель.

Какона от удара развернуло и бросило на землю. Он поднялся на четвереньки, мотая головой и отплеываясь.

– Надо, раз спрашиваю.

– Твою мать! – Какон кое-как встал на ноги.

– Сам расскажешь, или мне выбить из тебя все, что знаешь? – Ташу уже надоело ждать, когда тот сообразит, что с ним не шутят.

Это Какон все-таки сообразил.

– Да не знаю я, откуда она! – зло пробурчал он. – Мне ее какой-то старик по дороге сюда продал.

– Что за старик?

– Да не знаю я! По виду нездешний. Одет хорошо. Сказал, что внучка.

– Внучка? А чего ж продал?

– А я почему знаю? И вообще, оно мне надо? Меньше знаешь, лучше спишь.

– Ну, это когда как. А она что говорила?

– Да ничего! – рявкнул Какон, уже выходя из себя. – Можно подумать, я ее спрашивал!

– Да, конечно, ты ее сразу кнутом! – Таш много кого ненавидел в этой жизни. Но тех, кто вот так вот... он ненавидел особенно.

– Не сразу! – вспыхнул Какон праведным гневом. – Я хотел по-хорошему! А она...

– И что она? Съездила тебе по роже? Надеюсь, хоть ногой?

Тот ошетинился, как пес.

– По роже? Да я на тебя посмотрел бы, если бы тебе баба три раза подряд по яйцам коленкой проехала! Ну, ничего, она тебе еще покажет! Ты думаешь, невинную овечку купил? Ага, щас! Да я такой суки в жизни не встречал! Да она же полная ... в ... ! Да я бы ее ... на ... ! Ее надо на цепи держать, чтобы ... потом ... !

Таш, по лицу которого всегда сложно было понять, о чем он думает, неожиданно сделал шаг скользящий вперед и вбок, потом всего одно движение руками. Раздался хруст, и Какон тяжело рухнул на землю, так и не успев закрыть рот.

Таш брезгливо отряхнул руки и вернулся к костру.

– Родственники или другие желающие отомстить есть?

Таких не нашлось, и Таш, не торопясь и не оглядываясь, пошел с базара, провожаемый испуганными и ненавидящими взглядами.

К сожалению, далеко не все взгляды, провожавшие Таша, были такими безобидными. Уже уходя с рынка, он краем глаза заметил две закутанные в плащи мужские фигуры, стоящие у одного из шатров, и его чутье сразу ошетинилось недобрыми предчувствиями. Хотя бы потому, что смотрели они на него спокойно и явно оценивающе. А еще один из них хотя и был одет, как грандарец, к самим грандарцам имел такое же отношение, как Таш к местной княжеской семье. Таш сам был родом из Грандара и соотечественников своих был способен узнать когда и где угодно. Национальную же принадлежность второго определить вообще не представлялось возможным, хотя его бритая голова заставляла предположить, что он долгое время жил в Вандее, а это знающего человека могло только насторожить, потому что Вандея – это вам не Ольрия.

Таш развернулся и направился к незнакомцам, чтобы пообщаться на предмет того, что эти ребята ищут в законно принадлежащей ему и его братьям Ольрии, но они говорить с ним не пожелали, быстро и профессионально растворившись между шатрами. Таш не стал их догонять, хотя и мог бы. Но... В общем, не царское это дело. Просто взял на заметку и решил послать своих, чтобы выяснили, что за чужие шляются у них под носом.

– Нет, ну надо же было такому случиться! – нервно повторял совсем молодой еще человек, один из тех, кто так не понравился Ташу своими неуклюжими попытками изобразить из себя грандарца. Он сидел за грязным столом в дешевом кабаке, расположенном неподалеку от рынка, и находился в самом неуравновешенном состоянии духа.

Второй, по виду постарше и поопытней, философски заметил, медленно потягивая пиво из глиняной кружки:

– Это должно было случиться.

– Да почему обязательно должно? – возмутился первый. – Все так хорошо шло! Она была почти уже на том свете! И тут такой облом!

– Да, облом знатный! – согласился второй. – Но только неужели ты правда думал, что у нас все пройдет как по маслу?

– А чего? – ошетинился первый. – Конечно, думал. Хозяин же сказал!

– А ты их побольше слушай, жрецов этих! Они тебе еще не то наговорят!

– Слушай, Багин, – первый с подозрением уставился на собеседника, – а ты случаем не того? Что-то мне твое настроение не нравится!

– А я не красная девка, чтобы нравиться! – огрызнулся Багин. – А только я на свете поболее твоего живу, и чую, когда все нормально пройдет, а когда дерьма ждать нужно. Так вот, с этой девкой дело так просто не кончится, это я тебе точно говорю!

– Да чего в ней такого особенного? Может, пристукнем по-тихому – и домой, а? Никто и не узнает, а, Багин?

– Совсем рехнулся, Зойт? – зашипел на него Багин. – Тебе что приказано, придурок? Сделать это дело чужими руками! Чужими, въезжаешь? Ты кого обмануть хочешь, скотина? Думаешь, жрец тебя так просто с поводка спустит? Ты лучше вспомни, как он тебя на него поймал!

Зойт затравленно замолчал.

Через некоторое время Багин встал.

– Ладно, Зойт, кончай сопли на кулак наматывать! Пошли, нам еще информацию о том хмыре, который ее купил, собирать! Да не расстраивайся ты так! Судя по тому, как он лихо нашего торговца пришиб, этот еще почище Какона будет! Прибьет ее за милую душу, и нам с тобой делать ничего не придется!

– Или продаст! – обрадованно захихикал Зойт, вставая. – Какому-нибудь другому хорошему парню вроде себя!

Таш действительно отсутствовал всего часа два, а когда вернулся, то обнаружил лекаря спящим прямо за столом. Причина же этого, в виде пустого кувшина из-под вина, обнаружилась здесь же, на столе. Вздыхнув, Таш взвалил друга себе на плечо, благо что роста он был небольшого, да и жира накопил не слишком много, и отнес в одну из пустующих комнат. Там стояла кровать нарочно для таких случаев. В который раз он убедился в верности пословицы: если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, – сделай его сам. Уложив пьяного лекаря, Таш пошел к его пациентке.

Он сразу заметил, что рабыне стало хуже. Вся раскрасневшаяся, она металась по подушке и что-то бормотала. Таш прислушался, но язык, на котором она говорила, был совсем незнаком ему, что его очень удивило. За свою долгую и богатую событиями жизнь ему много где довелось побывать, и он мог с большой долей уверенности сказать, что язык, на котором бредила его рабыня, на материке не встречался. Но задумываться над этой загадкой ему было некогда, надо было как-нибудь помочь ей. Таш попытался было разбудить лекаря, но тот только мычал, так что пришлось взяться за дело самому.

Почти всю ночь он просидел рядом с ней, как нянька, то давая ей воды, то прикладывая мокрую тряпку к горячему лбу. Жар спал только под утро. Она заснула наконец спокойно, а Таш вырубился прямо у ее кровати, положив голову к ней на подушку.

Тем не менее он увидел сон, что случилось с ним нечасто. И в этом сне он увидел себя маленьким. Ему было лет шесть, и он воровал яблоки у соседей. Потом мама позвала его обедать. Он был счастлив во сне, как может быть счастлив только ребенок. И при этом он понимал, что это сон, что мамы давно уже нет в живых. Он помнил, какой страшной смертью она умерла, и помнил, какой страшной мстью он за нее отомстил. Но сон все равно продолжался. Ворованные яблоки были необыкновенно вкусными, а мама гладила его по голове.

Таш вздрогнул и проснулся с ощущением, что на него кто-то смотрит. Его вчерашняя покупка сидела на кровати и рассматривала его своими ясными глазами странного нежно-зеленого цвета. Он протянул руку и дотронулся до ее лица. Жара не было.

– Как ты себя чувствуешь? – хриплым ото сна голосом спросил он.

– Нормально, – ответила она.

– Ну как, ничего не вспомнила?

Она сосредоточенно нахмурила темные брови, но потом покачала головой.

– Нет.

– Да и ладно, – не стал настаивать он. – Тебе какое имя нравится? – Надо же ее как-то называть.

Она пожала плечами.

– Не знаю. Может, вы что-нибудь придумаете?

После своего утреннего сна Таш мог предложить ей только одно имя.

– Ну, скажем, Арилика. Хочешь, чтобы тебя звали Арилика?

– Арилика, – проговорила она, словно пробуя его на вкус. – Ничего, мне нравится.

– Ну вот и славно. Одну проблему решили.

– А как вас зовут?

– Таш, – коротко ответил Таш.

– Таш, – повторила она. – А чем вы занимаетесь, Таш? Или мне лучше называть вас господин Таш?

– Да, на людях господин Таш. А когда мы вдвоем, можно и просто Таш.

Она чуть улыбнулась.

– Заботитесь о своей репутации?

– Скорее о твоей.

Улыбка стала шире.

– О, вы хотите сказать, что у рабынь бывает репутация?

Таш внимательно посмотрел на нее.

– Я не знаю, где ты жила раньше, но только в Ольрии репутация есть у всех. И для тебя самой будет лучше, если ты сразу станешь это учитывать.

Арилика сникла под его взглядом.

– Я буду учитывать.

– Ладно, не бери в голову. Я тебе потом все расскажу. Давай лучше посмотрим твою спину. Поворачивайся.

На это предложение Арилика отреагировала очень странно. Она изо всех сил прижала одеяло к груди и затравленно посмотрела на него.

– Не надо! Может, лучше потом?

– Что за капризы, Рил! – Имя легло на язык так естественно, как будто он уже век называл ее так. – Давай, поворачивайся. Можно подумать, я тебя не видел!

– Когда это вы меня видели?

Таш замялся. Не рассказывать же ей, как он ее купал.

– Ну, я имею в виду, что видел твою спину. Я мазал ее вчера мазью, которую оставил лекарь.

– Ну ладно.

Рил повернулась к нему спиной и немного опустила одеяло, по-прежнему крепко прижимая его к груди. Таш потянулся за склянкой с мазью, а потом решительно потянул одеяло вниз, чтобы открыть ее спину. Она ойкнула, но осталась сидеть как сидела. Таш убрал волосы со спины, как будто невзначай проведя пальцами по ее шее. Родинка, о которой говорил ему Заген, обнаружилась у самого основания шеи и действительно была похожа скорее на татуировку, чем на родинку, и тем не менее Таш мог бы поклясться, что это родинка.

Мазь у Загена и правда была хорошая. Большинство ран уже покрылось коркой, и воспалений нигде не было видно.

– Теперь ногу давай, – сказал Таш, закончив со спиной.

– Ногу? – удивилась она. – Какую ногу? Зачем?

– Ту ногу, которую ты браслетом натерла.

– А, ну да.

Рил выпростала из-под одеяла левую ногу. Рана на ней была, но она уже почти затянулась. Таш стал мазать ногу, стараясь не смотреть на рабыню, мучительно покрасневшую от смущения. Ее нога выглядела в его руках как игрушка. Не удержавшись, он провел пальцами по подошве. Рил от неожиданности дернулась, а потом расхохоталась.

– Щекотно! – И вырвала ногу из его рук, тут же упрятав ее под одеяло.

Таш посмотрел, как она смеется, и понял, что пропал. От смеха она хорошела невероятно. Непрошенный жар, возникший в груди, волной прокатился по телу, отчего он на секунду почувствовал себя беспомощным. Это было странно, и Таш замер, не зная, как на это реагировать.

Заметив, что он не смеется, Рил смутилась и замолчала. Ее хозяин сделал над собой усилие и отвернулся. Потом встал с пола и направился к стоящему в углу сундуку. Вытащив из него одну из своих рубаш, он бросил ее на кровать.

– Надевай пока это, потом куплю что-нибудь. Ты есть хочешь?

Она кивнула.

– Хочу.

– Пойду поищу. – И Таш направился к дверям, но Рил окликнула его.

– Господин Таш! А можно задать вам вопрос?

Он остановился.

– Ну?

Она с отчаянием посмотрела на него.

– Что вы собираетесь со мной делать?

Он пожал плечами.

– Да ничего. Живи, да и все. Будешь помогать моей служанке. Продавать, кому попало, я тебя не буду, а захочешь замуж выйти – держать не стану. Приданое дам и присмотрю, чтоб не обижали. Еще вопросы есть?

Вопросы были.

– А разве рабыня может выйти замуж? – с безмерным удивлением спросила Рил.

– Это же Олерия! Здесь может.

И, оставив свою рабыню размышлять о странностях олерийской жизни, Таш направился на кухню. Последние два года у него была служанка, и он совсем отвык от готовки, хотя раньше обслуживал себя сам. Но теперь он то ли все забыл, то ли у Дорминды были иные принципы ведения хозяйства, но найти поесть было невозможно. Его улов был беден. Кроме куска вареного мяса, хлеба, яблок и кувшина кваса, он ничего не нашел. Он сложил все это на тарелку, надеясь, что Дорминда скоро появится и не даст им умереть с голоду, и пошел обратно. Он не знал, чем кормил ее Какон, но только Рил обрадовалась даже такой еде. Правда, съела она, на взгляд Таша, совсем немного. Так, поклевала чуть-чуть, а после этого ее стало клонить в сон. Таш заметил и хотел уйти, но она опять остановила его в дверях.

– Господин Таш, можно еще вопрос? Тот человек, у которого вы меня купили, может, он знает что-нибудь обо мне? Ну, хотя бы откуда я и как меня зовут. – Она замолчала, не решаясь попросить его об услуге.

Таш, не поворачиваясь к ней, спокойно ответил:

– Может, он и знал что-то, но сказать это он уже не сможет. Он вчера умер.

Рил открыла рот, чтобы опять что-то спросить, но он уже вышел. А еще через минуту она спала.

А Таш пошел будить Загена. Нечего дрыхнуть, рассвет уже. И так проспал все на свете, старый алкаш. Кое-как растолкав своего друга, Таш потащил его на кухню и налил еще вина. Тот выпил и постепенно стал приходить в себя. Мутные глаза прояснились, а руки перестала сотрясать дрожь.

– Ты извини, Таш, я, кажется, вчера перебрал, – просипел он.

– Да уж, – вынужден был согласиться Таш.

– Как там твоя рабыня, спит?

– Да, теперь уже спит.

– И что ты собираешься с ней делать? Для себя оставишь или продашь?

– Нет, продавать не буду, – покачал головой Таш. – Да и себе тоже не возьму. На кой мне эта головная боль? Я слишком старый для таких дел. Она же девчонка совсем. Нет, пусть так живет. Я ее замуж выдам за приличного парня.

Заген не поверил своим ушам.

– Таш, ты совсем спятил или притворяешься? Просто так отдать *такое*?

Таш усмехнулся.

– А что, могу себе позволить! Она обошлась мне всего в тридцать монет.

– Нет, ты окончательно рехнулся на старости лет! – возмутился Заген.

– Предлагаешь взять ее себе и дожидаться, когда она сбежит с каким-нибудь сопляком?

После меня он на ней, ясное дело, не женится и, скорее всего, дорога ей будет в бордель. Ты этого хочешь?

– Нет, но ведь можно же как-нибудь по-другому?

– Интересно, как?

– Продай ее кому-нибудь богатому в содержанки.

– И чтобы потом, когда она ему надоест, он продал ее в бордель? Нет, Заген, ты сам понимаешь, что все это ерунда.

– А просто так, неизвестно кому отдать такое чудо, это не ерунда?

Таш покачал головой.

– Нет, я уже решил. Пусть живет, как сама захочет. Ты прав, она действительно чудо. Грех ее ломать. Я тебя вот о чем хочу попросить, Заген. Если она решит замуж идти, то ей девственность нужна будет. Сделаешь ей?

– Еще чего! – хмыкнул Заген. – Ничего я ей делать не буду.

– Это почему еще? Только не говори, что не умеешь! Все знают, что к тебе за этим постоянно девки бегают.

– Ну, всем делаю, а ей не буду.

Таш помрачнел.

– Я заплачу, сколько скажешь.

– Дурак ты, Таш! – скривился Заген. – Я не буду ей ничего делать потому, что ей это не нужно. У нее все на месте.

– Шутишь? – глаза у Таши полезли на лоб. – Этого не может быть. Ты бы видел ее прежнего хозяина!

– Ладно, Таш, – сказал лекарь, поднимаясь из-за стола, – про ее хозяина тебе лучше знать, а я за свои слова отвечаю. Ну, мне пора. Я зайду к ней попозже.

Заген ушел, а у Таши размышлять над этим времени тоже не было, потому что пришла его служанка. В нескольких словах он рассказал ей, что произошло, и объяснил, что ей делать с его новой рабыней. Дорминда внимательно слушала и кивала. Несмотря на свою вечную болтовню и ворчание, она была женщиной надежной, и Таш мог на нее положиться. Со спокойным сердцем он оставил на нее Рил, а сам отправился по делам.

Глава 2

Прошло несколько дней. Раны рабыни почти зажили и уже не так беспокоили ее. Заген разрешил ей потихоньку вставать и выходить гулять. Таш послал было Дорминду в лавку за одеждой, но она принесла такую рухлядь, что Таш возмутился.

– Это еще что за тряпки? Ты что, не могла ничего получше найти?

– Это совсем не тряпки! – уперлась Дорминда. – Вещи все хорошие, крепкие. Правда, ношенные, но это ничего, я постираю. Она же рабыня, ей положено такие носить. А нарядите – подумают, что она содержанка. – В голосе Дорминды прозвучало нескрываемое осуждение. В чем, в чем, а в поддержании моральных устоев она всегда была крепка, как скала. Только Ташу на эти устои было плевать.

– В этих лохмотьях я своей рабыне ходить не позволю! – сказал он так, что кто угодно побоялся бы ему возражать. Но его служанка была не робкого десятка, особенно если дело касалось соблюдения приличий.

– Вот и покупайте сами ей одежду! – отрезала она, и Таш понял, что ничего от нее больше не добьется.

Пришлось ему самому пойти на рынок. В женской одежде вообще и в женской моде в частности он разбирался, мягко говоря, слабо. Поэтому решил пойти по самому простому пути: выцепил из толпы служаночку, ростом и фигурой похожую на его рабыню, и, заплатив ей пару медяков, привел в лавку. Там он объяснил приказчику, что ему нужно, и умыл руки. В конце концов, это его профессия, он должен точно знать, что нужно женщине. Приказчик это знал, и уже через несколько минут показал Ташу несколько платьев, скромных и почти без вышивки, но зато новых и из хорошей ткани. Теплый, отороченный мехом, темно-зеленый плащ, пару башмаков, размер которых Таш определил, поставив их себе на ладонь, кое-что из белья и еще кое-какие мелочи, вроде поясков, бус, лент, дешевых сережек и прочей белиберды. Вроде бы купил он немного, но, когда приказчик все это упаковал, сверток получился довольно большой. Тащить его к Самконгу было глупо, и Таш, назвав адрес, попросил доставить его к себе домой.

* * *

Вечером, идя домой, он невольно улыбался про себя, представляя, как радовалась, наверное, Рил обновкам. Но, зайдя к ней в комнату, он с удивлением увидел, что она по-прежнему лежит в кровати и по-прежнему в его рубахе.

– Рил, ты почему не переоделась? – спросил он ее.

– А во что? – удивилась она.

– Как во что? Разве тебе не принесли сверток из лавки?

– Принесли, только я не знала, что там. Я положила его в вашу комнату.

Таш удивился. Похоже, что его рабыня совсем не страдала любопытством, присущим, по его мнению, абсолютно всем представительницам женского пола.

Рил встала с кровати, обернувшись предварительно одеялом. Мелькнули на секунду белые стройные ноги, от вида которых Ташу стало не по себе, и босиком направилась в его комнату. Пройдя по коридору, она толкнула дверь в его комнату.

– Вот он! – показала она на сверток, лежащий у него на кровати.

Он подошел, взял сверток и вручил ей.

– Держи, это твое.

– Спасибо, – не слишком уверенно сказала она.

– Ты примерь, а то вдруг не подойдет!

Она кивнула и вышла. Не было ее довольно долго. Таш успел поужинать в одиночестве и уже хотел пойти посмотреть, чего она так застряла, как она вошла в кухню. Таш замер, глядя на нее во все глаза. Он хорошо помнил, что покупал самые дешевые вещи, но на ней они почему-то выглядели совсем по-другому. «Вот свигр!» – обалдело подумал он. Самое что ни на есть обычное и простое темно-синее платье, стянутое на талии грошовым пояском, смотрелось на ней роскошным нарядом, достойным княгини. Даже то, что на нем было мало вышивки, стало скорее плюсом, чем минусом. Дешевая лента, которой она собрала свои длинные волнистые волосы в хвост, превратилась в изысканное украшение, а незатейливые простенькие сережки выглядели по меньшей мере сапфирами. «Дорминда была права!» – подумалось Ташу, но обряжать свою рабыню в обноски ему теперь хотелось еще меньше, чем раньше.

Рил стояла в дверях и нервно теребила прядь своих волос.

– Спасибо вам, господин Таш! – смущенно поблагодарила она его. – Я никогда не смогу отплатить вам за вашу доброту.

– Да брось, ты, Рил. Я купил тебе все самое дешевое, – поморщился Таш. – Это не стоит благодарности. Тебе все подошло?

– Да, спасибо, все хорошо.

– Хватит уже меня благодарить! Ты ужинала? Нет? Тогда иди сюда.

Таш усадил ее за стол напротив себя и стал расспрашивать, как прошел день. Мало-помалу она оттаяла, начала что-то рассказывать и улыбаться, проливая бальзам на сердце Таши.

Вскоре она совсем поправилась. Конечно, она еще выглядела бледной и измученной, но на умирающую похожа уже не была. Она даже начала помогать Дорминде по хозяйству, правда, к тяжелой работе та ее пока не подпускала. Понемножку копалась в огороде, гуляла в саду. Как-то раз посетила конюшню и влюбилась в Дымка. С тех пор постоянно бегала к нему, ласкала, кормила хлебом с солью. Иногда прогуливалась с ним с разрешения лекаря и Таши. Саму Арилику тоже почти каждый день навещал лекарь. С удовлетворением он осматривал ее заживающие раны, а насчет памяти сказал, что ей нужно время. Против этого возразить было нечего. Мучительным было только то, что она ничего не знала о своей прошлой жизни. Ей казалось, что она потеряла большую часть самой себя, и ей нечем было заполнить возникшую в душе пустоту.

Дорминда, конечно, утешала ее, но, исходя из практических соображений, посоветовала никому не говорить о потере памяти.

– Тебе еще замуж выходить, Лика, – не слушая никаких возражений, говорила она, – будет лучше, если никто не узнает, что ты ничего не помнишь. А то еще подумают, что ты порченная какая-нибудь. Лучше скажем, что ты сирота, рано попала в рабство и родителей своих не помнишь.

– Хорошо, если так надо... – неуверенно согласилась та. Она уже поняла, что врать она не умеет, но спорить с Дорминдой было невозможно.

– Конечно, надо! – уверенно заявила пожилая служанка. – Ты слушай меня, доченька, я тебе плохого не посоветую.

Это Лика и сама уже поняла. Дорминда была, в сущности, доброй женщиной, и уж, во всяком случае, знала местные обычаи куда лучше самой Лики. Вот только сами эти обычаи иногда приводили ее в состояние тихого ужаса своей жестокостью и нетерпимостью. Но что поделаешь? Ольрия была страной патриархальной, закрытой, лежащей в стороне от торговых путей, соединяющих другие страны материка, поэтому и широта взглядов была

ее жителям недоступна. Лика только надеялась, что на деле все не так страшно, как можно было подумать по рассказам Дорминды. Ведь должен же быть у людей здравый смысл?

Незаметно пролетело больше двух месяцев. Погода стала портиться, листьев на деревьях почти не осталось. Рил совсем поправилась, повеселела и еще больше похорошела, хотя ее хозяину и казалось, что больше уже некуда.

В целом жизнь ее складывалась нормально, как ни странно это могло бы прозвучать. Таш относился к ней хорошо, и она совсем не чувствовала себя униженной тем, что она его рабыня. Напротив, благодаря слишком ярким воспоминаниям о своем прежнем хозяине, Рил понимала, что, если бы он не купил ее тогда, то ее ждала бы скорая и мучительная смерть. В общем, если она кому и доверяла в своей новой жизни, то только ему.

Постепенно она перезнакомилась с соседями, которые отнеслись к ней, в общем-то, неплохо. У нее даже появилась подружка – молоденькая рабыня их соседа, торговца пряностями Здена. Ее звали Нета, и она была родом из Вандеи, где долгое время жил Таш. Ее здесь считали некрасивой из-за маленького роста и коротко стриженных пепельных волос, но Лике она нравилась. Нета была такая тихая, мягкая и безответная, с такими ласковыми карими глазами, что ее все время хотелось защищать. Впрочем, Зден и его жена относились к ней неплохо, и защищать ее было особо не от кого. Они были людьми пожилыми, их дети давно уже жили своими домами, и Нета была у них почти за ребенка. Они с радостью отпускали ее к подружкам, да только с ней мало кто хотел дружить до тех пор, пока не появилась Лика. К ней Нета стала ходить в гости, хотя первое время очень робела и почти не разговаривала, так что Лике пришлось прибегнуть к помощи Дорминды, чтобы хоть немного расшевелить ее. Со временем Нета освоилась, и возвращающийся домой вечерами Таш часто слышал из комнаты Рил девичий смех, который музыкой звучал в его ушах. Впрочем, самого Таша Нета боялась просто панически. Стоило ему войти в дом, как она тут же убегала домой, и никакая сила не могла ее удержать. Лика поначалу часто шутила над ее страхом, но Нета не хотела обсуждать это, просто молчала, упорно не поднимая глаз, и все. Оставив эту непонятность так же, как и многие другие, в покое, Лика перестала донимать подругу вопросами, решив, что со временем все выяснится, а если не выяснится, то утретсяя.

Сама Лика, напротив, была очень рада видеть Таша, когда он вечерами возвращался домой. Каждый день она ждала того момента, когда стукнет калитка и в вечерней тишине прозвучат его шаги на веранде. Он всегда первым делом заглядывал к ней, чтобы поздороваться, а потом они вместе шли на кухню ужинать. Сидя с ним за одним столом, Рил смотрела, как он ест, и рассказывала, как прошел день. А он расспрашивал ее о всяких мелочах и смеялся вместе с ней над какой-нибудь ерундой.

Честно говоря, Таш уже и сам не представлял, как он жил без нее раньше, а еще больше не представлял, как будет жить потом, когда она уйдет. Она нравилась ему, и он ничего не мог с этим поделать. Его тянуло к ней, как пацана, отчего ему самому становилось смешно. Нашел, в кого влюбиться, старый пень! Еще моложе никого не мог найти?!

По ночам он иногда позволял себе заглядывать к ней в комнату и смотреть, как она спит. Правда, боялся, что разбудит ее, и чаще просто сидел под дверью, как пес, благо что не видит никто. Ему казалось, что он привык сдерживаться, и ничто не заставит его утратить контроль над собой и над ситуацией. Он сделал свой выбор, и этот выбор был лучшим из возможных.

Да, но это если рассуждать на трезвую голову. А если на пьяную...

Они шумно праздновали день рождения Самконга, одного из немногих, кто действительно знал свой день рождения. Вообще-то, Самконг был из благородных, но вслух об этом как-то не говорилось. Зачем? Они все изгои, так какая разница, как над кем подшутит судьба?

Пьянка получилась грандиозная. Все поместье Самконга, где он в обычное время старательно изображал честного купца, гудело целый день. Хорошо, что оно было обнесено высоким забором и никто посторонний не смог бы понаблюдать за всем этим безобразием. Да и охрана стояла, несмотря на праздник.

В построенных специально для Ташевых ребят казармах творилось такое, что прислуга боялась туда заходить. Отлично зная, на что способны его парни, Таш заранее распорядился, чтобы они праздновали отдельно, а то мало ли что спьяну выкинут. И, как выяснилось, был абсолютно прав. Человеку, не умеющему за себя постоять, там было нечего делать.

А во дворе, за накрытыми длинными столами гуляла вся остальная ночная братия Олгена. Начиная Кроковыми головорезами и заканчивая Франиными мальчишками, самому младшему из которых было от силы лет восемь. Только Бадановы ребята с мордами прожженных прощелыг держались особняком. Таша всегда удивляло, как им с такими-то рожами вообще удавалось кого-то надуть? Ведь для этого им сначала надо было найти того, кто бы им поверил. Но ребятам их рожи, похоже, совсем не мешали, поскольку дохода они всегда приносили больше остальных.

Самые же близкие Самконгу люди собрались в доме, и никому из гуляющих на улице не пришло в голову на это обижаться. Все знали, что такая дружба, как у этих семерых, редко встречается на белом свете.

– Давайте выпьем за здоровье Самконга, нашего надежного и верного друга! Да будет у него всегда много денег, друзей и женщин! – разливался соловьем Франя, традиционно выполняющий обязанности тамады на всех праздниках. – Да будет он всегда здоров как бык и силен как вепрь!

Таш, уже хорошо набравшийся, усмехался себе в усы. Не с Франиным ехидством надо произносить такие тосты! На праздниках у Таша всегда возникало ощущение, что тамада только и делает, что над всеми издевается, причем с особым цинизмом. Впрочем, остальные были еще хуже. Крок вообще не мог связать пару слов без мата. От Валдея они не дождались бы ничего, кроме скабрзных анекдотов, на которые тот был большой мастер. Рыжий Бадан непременно устроил бы имениннику какой-нибудь жестокий розыгрыш, чем непременно испортил бы настроение, хотя со стороны это было бы смешно. Ставить тамадой Лайру было глупо, потому что ее моментально развозило от спиртного, женщина же все-таки, хоть и с отклонениями. Самконг от вина, наоборот, начинал бушевать, никого не слушал и орал, как тот самый вепрь, силы которого желал ему Франя. Сам Таш был слишком молчалив, знал за собой эту особенность и потому себя исключал в первую очередь.

– Друг мой, Самконг! – продолжал Франя, вероятно собираясь напоить всех в рекордно короткие сроки. – Тебе сегодня исполняется сорок два года, и из них я знаю тебя уже четверть века. Когда мы встретились, ты был безусым юнцом, а я совсем мальчишкой. Но я до сих пор благословляю тот день, потому что тогда богиня подарила мне лучшего друга, который только может быть на свете! За тебя, друг! – Франя поднял бокал. – За тебя и за Таша, потому что если бы не вы, то меня бы давно уже не было в живых!

Это было сказано самым легкомысленным тоном, и все засмеялись, полагая, что это очередная Франина хохма. Лайра даже возразила:

– Ой, не прибедряйся, Франя! Уж ты-то точно вылез бы из любой передраги, куда там Самконгу! А то мы тебя не знаем!

Франя не стал комментировать, молча выпил бокал и переглянулся сначала с Ташем, потом с Самконгом. Историю их встречи не знал никто, кроме них, и они совсем не собирались ею с кем-то делиться. Так что всем остальным предстояло умереть в неведении относительно того, как все это произошло.

В тот день Таш, которому на тот момент было около пятнадцати, и семнадцатилетний Самконг сидели на постоялом дворе в одной из небольших деревушек под Зейденом, крупным городом, лежащим на границе Ванта и Грандара, и потягивали пиво с самым невинным видом, на какой были способны. Впрочем, им можно было особенно и не стараться, потому что мало кто из путешественников принимал всерьез двоих мальчишек. А зря. Этим пацанам уже давно было все равно, жить или умереть, и, возможно, поэтому госпожа Удача часто поворачивалась к ним лицом, а не другим, менее привлекательным местом.

Вот и сейчас, когда в дверь вошли двое неброско, но добротнo одетых мужчин, у Самконга сразу заблестели глаза.

– А вот и благородные господа пожаловали! – тихо сказал он Ташу, не скрывая довольной улыбки, невольно расползающейся по его лицу.

– Откуда знаешь?

– Ты забыл, кто я? – удивился Самконг. – У меня, между прочим, тоже воспитание не абы какое! Я, между прочим, барон, твою мать!

– Ладно, ладно! – не стал спорить Таш.

Он уже сто раз слышал историю Самконга, и выслушивать ее в сто первый не собирався. Он встал и вышел во двор. Там обнаружилась карета, опять же неброская, но добротная, но вот лошади в нее были запряжены такие, какие мало кому по карману. Чтобы понять это, Ташу, как и всякому грандарцу, хватило одного взгляда, и он невольно подошел к этим красавцам.

– Эй, ты чего тут шляешься, парень? – окликнул его кучер, недобро поглядывая на незваного гостя.

– Да вот, хотел на коней поближе посмотреть. Какие они у вас! – Восхищение было искренним, и кучер посмотрел на парня благосклонно.

– А ты не из Грандара, случаем, будешь, парень?

– Оттуда, – не стал отпираться Таш.

Этого все равно не скроешь. Кроме неумеренной любви к лошадям (как правило, взаимной), было в грандарцах что-то особенное, какая-то своя повадка, такая, что не сотрешь ни воспитанием, ни долгими годами жизни вдали от родины. Таш протянул руку и погладил по морде одного из жеребцов. Кучер дернулся, не успев остановить, и уже мысленно представил себе откушенные пальцы парня, но ничего не случилось. Серый конь всхрапнул, но позволил приласкать себя.

– Да, вот что значит грандарец! – ошарашенно пробормотал кучер. – Тебе бы в конюхи, парень, цены б не было!

– А что, можно и в конюхи! – улыбнулся Таш, не собираясь просвещать кучера насчет того, что это совершенно неосуществимая вещь. Никто и никогда не возьмет на службу изгоя, клеймо которого, выжженное на его предплечье еще в детстве, сейчас прикрывала ткань рукава. – Они, наверное, быстрые, как ветер! – сказал он, мечтательно прикрыв глаза, чем окончательно растопил лед в сердце кучера.

– Еще бы! – довольно подтвердил он. – Это же степняки, из табунов самого кыгана Чувя! Слышал, небось, о таком?

– А то! – уважительно кивнул Таш.

Цены у кыгана были еще те. Значит, Самконг не ошибся и хозяева этих лошадок не последние люди в своей стране. Вот только вряд ли они будут путешествовать без охраны.

– То-то! Наши им и в подметки не годятся! Не поверишь, – ухмыльнулся кучер, – с нами еще десяток ребят ехал, приятели моего хозяина, так они от нас почти на полчаса отстали! А езды-то от Зейдена всего ничего!

Таш рассмеялся вместе с ним. Вот и охрана. Теперь остается только надеяться, что господа решат продолжить путь, не дожидаясь ее. В любом случае попробовать стоило.

Таш еще немного поболтал с кучером и вернулся в трактир. Собраться было делом нескольких минут, и вскоре они уже сидели в лесу, неподалеку от поваленного ими на дорогу дерева, и ждали карету.

Госпожа Удача, по всей видимости, время от времени присматривающая за изгоями, потому что надо же кому-то за ними присматривать, если богам они не нужны, и на этот раз не отвернулась от них. Благородные господа не стали дожидаться своих спутников, и поехали одни, хотя Таш видел, как они встретились с охраной, которая въезжала на постоялый двор. Наверное, им разрешили перекусить, прежде чем ехать дальше, и это не могло не радовать.

Карета подъехала к дереву и остановилась. Поваленное дерево выглядело совершенно естественно, уж об этом Таш и Самконг позаботились. Полдня выбирали самое старое, дуплистое и сучковатое и уронили его так, чтобы казалось, что его нетрудно будет объехать. По-видимому, кучер так и решил, потому что карета уверенно тронулась, выезжая правой стороной на обочину.

И сразу же начала заваливаться набок, потому что под не вызывающим никаких подозрений дерном располагалась солидных размеров яма. Лошади испуганно заржали и задержались, но вытащить ее было им не под силу. Раздался грохот, звон стекла, и карета, перевернувшись, рухнула на землю. Кучер свалился со своего места, не сумев удержаться, и кубарем покатился по земле. Пора!

Таш и Самконг, не сговариваясь, рванули к карете. Мимоходом Таш рукояткой меча вырубил пытающегося встать кучера, чтобы не вздумал геройствовать, и одним прыжком взлетел на карету. Грандар гордился бы таким сыном (не будь он изгоем, разумеется!), потому что ловкость была одним из качеств, которые считались жизненно необходимыми для его жителей. Дернул дверцу, она, разумеется, не поддавалась, и с размаху ударил по стеклу. Оно осыпалось мелкими осколками внутрь кареты, и оттуда высунулись сразу два меча. Таш отшатнулся. Благородные господа решили защищаться!

Терпеливо ждавший этого Самконг с ревом обрушил неслабый удар своего меча на крышу кареты и, само собой, проломил. Да и как она могла выдержать подобное издевательство, если была сделана из тонких дощечек, обтянутых кожей? Один из мечей, выглядывавших из окна, мгновенно исчез, и сразу же из пробитой Самконгом дыры выскочил один из благородных путешественников. Они сцепились с Самконгом так, что только искры полетели. Голубая кровь, мать вашу!

Таш бросил холодный, цепкий взгляд на дерущихся, оценивая шансы каждого, и спокойно отвернулся. Его друг выглядел предпочтительнее. Если бы это было не так, то он не постеснялся бы принять меры, плюнув на все рассуждения Самконга о честном поединке. Изгоям нет дела до честных поединков! Изгой убивает, чтобы выжить. Еще раз оглядевшись, Таш, предварительно прижав торчащий из кареты меч своим клинком, змеёй проскользнул внутрь кареты. Возможно, что доставшийся ему благородный неплохо владел мечом, но против грандарцев его, похоже, драться не учили. Он не успел даже высвободить из захвата меч, когда Таш коленями уже свернул ему шею. Потом брезгливо вытолкнул бездыханное тело через дыру в крыше и начал обыскивать карету.

И вдруг наткнулся взглядом на лежащего на заднем сиденье связанного окровавленного мальчишку лет десяти-одиннадцати, почему-то незамеченного им ранее. Тот поднял зареванное лицо и зло уставился на неожиданного спасителя. Таш замер, он меньше всего

ожидал увидеть здесь ребенка, но теперь ему многое стало ясно. Хотя бы то, почему господа так упорно не хотели, чтобы их сопровождала охрана. Небошь, сплетен боялись, скоты!

Заглянувший в карету Самконг, с глазами, сверкающими, как два безумных сапфира, мгновенно оценил ситуацию и глянул на Таша. Вдвоем они быстро обыскали карету, нашли спрятанные деньги и, не сговариваясь, вытащили пацана наружу. Самконг одним взмахом меча разрезал на нем веревки и закатал рукав. Как и следовало ожидать, на тощем предплечье обнаружилось клеймо, причем такое же, как у Таша, означающее, что он изгой от рождения. Таш развязал один из найденных кошель и высыпал ему в руку немного денег.

– Если хочешь жить долго, уматывай отсюда, здесь скоро будет охрана! – сказал он пытающемуся застегнуть штаны пацану. – А если хочешь жить недолго, но весело, можешь идти с нами, лошади у нас теперь есть!

Пацан сразу сказал:

– Я с вами!

Чем вызвал оглушительный хохот Самконга и навсегда заслужил уважение Таша.

Они никогда не обсуждали то, что произошло в той карете и произошло ли вообще. Хотя, судя по виду пацана, наверняка да. Франия никогда не изъявлял желание поговорить об этом, а Самконг и Таш не собирались лезть ему в душу. Но они ни разу не пожалели, что взяли его с собой. Пацан оказался сыном карманного вора, и семейное ремесло знал в совершенстве, так что обузой не стал. Стал другом и почти младшим братом. Таш и Самконг даже поначалу молча опекали и прикрывали его, но он скоро доказал им, что в этом нет необходимости, несколько раз подряд вытащив их из нехороших передряг.

Он так и не поблагодарил их за свое спасение из той кареты, да они этого и не ждали. Только теперь, спустя двадцать пять лет, не склонный к сантиментам Франия все-таки решил сказать им спасибо.

За это надо было выпить, что Таш и Самконг и сделали, как всегда, не сговариваясь. Остальные присоединились, потому что неудачный тост нисколько не означает, что все должны, как дураки, сидеть с полными стаканами.

Немного погодя встала Лайра и заплетающимся языком объявила, что у нее есть для всех сюрприз. Она хлопнула в ладоши, и в дверь вбежали несколько молоденьких девчонок. Новые поступления, как понял Таш, бросив взгляд на их едва поджившие клейма. Все оживились. Франия сразу выбрал себе самую пухленькую, была у него такая слабость, Лайра взяла под руки сразу двоих и увела их в уголок, поочередно целуя то одну, то другую. Самконга, как именинника, окружила целая стайка. От Крока же девчонки привычно шарахнулись. Что поделаешь, лицо его было изуродовано так, что даже привыкшим к нему друзьям иногда становилось не по себе, чего уж говорить об этих нежных созданиях. Но тут не потерялся Валдей, сразу начавший наливать барышням вина, чтобы расслабились и не нервничали. Эта политика возымела действие, и вскоре Крок не казался им таким уж страшным.

К Ташу тоже подседа бойкая черноволосая хохотушка, и он не стал ее прогонять. Заген растрепал всему Олгену про его новую рабыню, и Таш уже не знал, куда деваться от Франиных насмешек и многозначительных переглядываний всех остальных. А эта девочка была очень миленькая, надо только отвести ее куда-нибудь подальше, чтобы никто не слышал, как он будет называть ее Рил. Он взял ее за руку и повел по коридору туда, где, как ему казалось, должны были находиться спальни.

Он проснулся среди ночи от мерзкого сна, который хотелось забыть и никогда не вспоминать. Ему снилась Рил, снова побитая, закованная в цепи и обозленная до предела. Она отбивалась на нападающего на нее со всех сторон мужика в белой одежде. У мужика

были крылья, и он кружил над ней, как коршун, издевательски хохоча, и кричал, обращаясь почему-то к Ташу:

– Думаешь, невинную овечку купил, придурок?!

Таш протянул руку, чтобы схватить и прибить поганую тварь, но мужик увернулся, а сам Таш проснулся в холодном поту и тяжело дыша.

Маленькая брюнетка мирно посапывала рядом, разбросав руки во сне. Таш отодвинулся, чтобы не мешать, благо что кровать, на которой они заснули, была широченная и места хватало обоим. Он тупо смотрел на лучи лунного света, падающие из окна, и на него волнами накатывала тоска. Страшно захотелось уйти отсюда, вдохнуть свежего воздуха. Хоть на минуту почувствовать себя человеком, а не изгоем.

Он встал и начал одеваться, с неудовольствием заметив предательскую дрожь в руках. Вышел, осторожно прикрыв за собой дверь, и бесшумно, хотя и слегка пошатываясь, прошел по спящему мертвецки пьяным сном дому.

Во дворе все выглядело так, как и должно было выглядеть после веселой попойки с участием *такого* количества народа. Кто-то заснул за столом, уткнувшись мордой в тарелку, кто-то валялся прямо на земле. В кустах все еще слышалась возня, похоже, что Лайра расщедрилась на девочек не только для именинника. Только охрана на воротах и по периметру по-прежнему выполняла свою работу. Попробовали бы они ее не выполнять! Таш кивнул охранникам, и ему открыли боковую калитку. Спрашивать его о чем-то или делиться впечатлениями от праздника дураков не нашлось, и слава богине. Он был в таком состоянии, что вполне мог свернуть кому-нибудь шею за неудачно сказанное слово.

Домой он пришел, когда один край неба начал светлеть. Почти у самого дома вспугнул две неясные тени, притаившиеся в кустах соседской черемухи. Они мелькнули и сразу растворились в утренних сумерках, что очень не понравилось Ташу. Но хмель еще гудел у него в голове, и он пообещал себе, что разберется с этим потом.

Таш не хотел будить Рил, но спяну неловко наступил на кувшин молока, оставленный на пороге молочницей, потом громко брякнул засовом, и девушка выскочила из своей каморки вся заспанная, закутанная в огромную вязанную шаль Дорминды.

– Господин Таш, вы вернулись!

Он ухмыльнулся.

– А ты думала, что если я пьяный, то дорогу домой не найду?

Она удивилась.

– А вы пьяный? – Но в ту же секунду наморщила нос. – Ладно, давайте я помогу вам раздеться!

Нет, конечно, Таш мог бы отказаться и отправить ее спать, но предпочел этого не делать. Они пришли в его комнату, и Рил стала помогать ему стаскивать одежду. Под конец процедуры он, уже плохо соображая, что делает, наклонился к ней и с шумом втянул в себя запах ее волос. Потом прижал к себе и, криво улыбаясь, спросил:

– А поцеловать меня на ночь ты не хочешь? Чтобы спалось хорошо?

Рил подняла голову, посмотрела на него и, встав на цыпочки, неумело чмокнула в щеку.

А чего он еще хотел?

Таша ожег стыд, словно Бог-Отец хлестнул непутевого сына огненной вожжей. Он резко оттолкнул ее от себя, но спяну не рассчитал, она отлетела и ударилась о косяк.

– Все, иди досыпай!

Она обиженно отвернулась, потирая ушибленное плечо, и вышла, даже не взглянув на него, а Ташу стало так тошно, что захотелось повеситься.

– Нет, ну надо же было этому кабану нажраться как раз сегодня! – в который раз повторял Зойт. – Вот скотина неуклюжая! А так хорошо все складывалось! Бабка сама отравила

молоко, когда через тряпку процеживала. Кто бы к нам придрался, а? Сама виновата, нечего было свои тряпки и плошки на улице развешивать! Мало ли какую заразу ветром принести может!

– Да не кипятись ты, Зойт! – лениво успокаивал его Багин. – Этот кувшин разбил, завтра другой подсунем. Яда у нас еще много, хоть всю эту проклятую Закорючку к змею отправляй.

После этих слов Зойт и правда немного успокоился и даже сел на кровать Багина. Сам Багин сидел на стуле, а находились они в комнате, которую снимали на небольшом постоялом дворе, чтобы не привлекать к себе особого внимания.

– Надо все же признать, что насчет ее хозяина мы здорово ошиблись, Зойт, – по-прежнему лениво продолжил Багин. – Кто бы мог подумать, что этот зверь будет с нее пылинки сдувать? Столько времени зря потеряли!

– Да, жрец из-за этого сильно разозлился, – кисло подтвердил Зойт. – Я его еле уговорил яд попробовать. Как дурак, клялся, что результат будет железно.

– Теперь он еще больше разозлится.

– Слушай, может, подождем пару дней с докладом, а? Может, все еще получится?

Багин пожал плечами.

– Ну давай подождем. Только в случае чего – сам расхлебывать будешь!

* * *

Проснулся Таш поздно и, как нетрудно догадаться, безо всякого настроения. Хотелось посмотреть в ясные глаза Рил и увидеть, что она прощает его вчерашнюю выходку и относится к нему по-прежнему, но на кухне ее не оказалось.

– А где Рил? – спросил он Дорминду, которая месила тесто.

– В своей комнате, ей нездоровится, – ответила та, не переставая месить.

– Как нездоровится, что с ней? – Таш встал. – Пойду посмотрю.

– Ничего страшного, обычное дело. И вам не надо к ней ходить, дайте ей выспаться. Она вас вчера весь вечер ждала, вон ужин даже не убирала. А вы хоть помните, когда пришли?

– Дорминда, только не надо мне тут мораль читать!

– А это не мораль! Вас целыми днями не бывает, а девочка одна дома сидит, даже на посиделки не ходит!

– Да разве я ее не пускаю? Пусть ходит!

– Да ведь она, добрая душа, о вас заботится. Чтобы вы пришли, а ужин на столе ждал. Она сама разве попросит ее отпустить? А вы и пользуетесь!

– Ну ладно, ладно, сегодня же поговорю с ней.

– Тут не говорить, тут велеть надо, чтоб ходила, чтоб жениха себе присматривала. Вы же хотите, чтобы она замуж вышла?

– Да, хочу. – В голосе Таша не было ничего, кроме раздражения.

– А разве можно где жениха присмотреть, кроме как на посиделках? – безжалостно гнула свое Дорминда. – Затем молодежь и собирается.

– Хорошо, хорошо, я же сказал, что поговорю. Дай, наконец, поесть спокойно!

Он лучше нее понимал, что она права, что Рил действительно лучше побыстрее найти себе кого-нибудь, да и вообще держаться от своего хозяина подальше. Не хватало еще клеймо заработать из-за его дурости! И вообще, раз решение принято, надо его выполнять. Он быстро доел завтрак и ушел.

* * *

Лика не показывалась до того момента, пока не хлопнула дверь за хозяйской спиной. Потом вышла и принялась помогать Дорминде с готовкой. Но глаз не поднимала и разговор почти не поддерживала. Дорминда некоторое время косилась на нее, но потом устало опустилась на табуретку и заговорила:

– Садись-ка рядом со мной, девочка, и давай поговорим!

Лика удивленно посмотрела на нее, но послушно села на соседнюю табуретку.

– О чем?

– Ты мне глазки-то невинные не строй, не поверю! Чай, не первый год землю топчу!

Лика мгновенно вспыхнула.

– Я ничего не строю!

– Да? Это ты кому-нибудь другому расскажи! Ты думаешь, я не вижу, как ты на своего хозяина смотришь?

– Как хочу, так и смотрю! – неожиданно огрызнулась обычно мягкая Лика. – Кому до этого дело есть? Уж ему-то точно никакого!

– Ой, не скажи, Лика! Он-то как раз очень хорошо к тебе относится! Когда он тебя с рынка притащил, я сначала грешным делом подумала, что это он себе постоянную любовницу решил завести. А только потом поняла, что ошиблась я в нем! Не стал он тебе жизнь ломать. Пожалел, наверное. Ты же девочка совсем, у тебя жизнь еще неплохо сложиться может. А что хорошего может предложить тебе изгой?

– Изгой? – Лика ожидала чего угодно, только не этого. – Господин Таш – изгой?

Дорминда с усмешкой посмотрела на нее.

– А ты думала кто? Неужели ни разу его клейма не видела? И чем ты вообще слушала, когда я тебе про это рассказывала?

Лика растерялась.

– Ну, ты рассказывала, что изгой – это страшные люди, преступники, у которых ни чести, ни совести. Но Таш совсем не такой!

– Какая же ты наивная дурочка, Лика! Какая разница, какую черту он переступил? Ты лучше о себе подумай! Не будет у тебя с ним жизни! Ну, допустим, начнешь ты с ним жить, так ведь этого не скроешь! Рано или поздно тебя схватят, приволокут в суд, а оттуда прямиком на площадь, к палачу. А с клеймом у тебя одна дорога будет – в публичный дом. Ты этого хочешь?

Лика с ужасом смотрела на нее.

– Этого не может быть!

– Может! Ты знаешь, как у нас относятся к клейменым?! Любой может сделать с тобой все, что захочет. Кто тебя защитит?

– Таш защитит! – после минутного раздумья уверенно заявила Лика. – Он не позволит, чтобы с его рабыней так поступили!

– Это верно, – вынуждена была согласиться Дорминда. – Пока он жив, тебя вряд ли кто-нибудь рискнет тронуть. Даже клейма он тебе, скорее всего, не даст поставить. Не найдется в Закорючке такого придурка, кто побежит на тебя доносить. Но жизнь изгоя, особенно у такого, как Таш, всегда висит на волоске. Если с ним что-нибудь случится, то в тот же день у тебя будет красоваться клеймо, и даже не надейся, что эти добрые люди, которые сейчас тебе улыбаются, хоть чем-то помогут тебе! А что будет с твоими детьми, ты подумала? Я ведь тебе уже обо всем рассказывала, чем ты меня слушала, Лика?

Ли́ка потрясенно молчала. Она даже не предполагала, что все, что Дорминда рассказывала про изгоев, может иметь к ней отношение. Наконец она заговорила, но спросила совсем не то, что ожидала Дорминда.

– А чем Таш отличается от других изгоев? Ты сказала, что он особенный.

Дорминда вздохнула.

– Он страшный человек, доченька! Все про то знают. У них целая банда изгоев, и они много чем заправляют здесь, в Олгене. А он там не последний человек.

– Дорминда, это неправда, я не верю!

– Уж поверь! Ты помнишь Какона?

– Какого? У которого Таш меня купил?

– Да, его. Ты знаешь, что с ним случилось?

Ли́ка пожала плечами.

– Таш сказал, что он умер. Но, ты знаешь, после всего, что он со мной сделал, мне как-то все равно, как именно это произошло!

– А зря. Могла бы и поинтересоваться. Ему в тот же день свернули шею.

– Ну и что! Мало ли кто мог это сделать. Не обязательно же Таш!

– Вот глупая! Да об этом всем давно известно! Наши местные это сами видели.

– Что, видели, как убивал?

– Да. Этот Какон не из наших был, так, приезжий какой-то. Они после торговли с рынка уходить не стали, прямо там шатры поставили, чтобы заночевать. Кое-кто из наших с ними вместе там пил. А после обеда к ним пожаловал Таш. Отозвал Какона в сторонку, о чем-то с ним поговорил, а потом раз – и свернул ему шею. Тот даже не пикнул.

– О богиня! А те, кто там был? Они не погнались за ним?

– Погнались? Ты что, смеешься? Да они все обделались от страха! Твой Таш ведь не из тех, кто убегает. Он подошел к ним, спросил, не хочет ли ему кто отомстить за Какона, желающих не нашлось, и он ушел.

– А потом пришел домой и всю ночь просидел у моей кровати, – с некоторым вызовом напомнила Ли́ка. Потом немного подумала и добавила: – Нет, Дорминда, ты как хочешь, а я не могу его осуждать. Раз он этого поганца Какона убил, значит, так было нужно. А вот ты скажи мне, только честно, кто еще отнесся бы ко мне так, как он? Когда я была у Какона, я готова была пойти на что угодно, даже на смерть, лишь бы получить свободу. А рядом с Ташем я даже рабыней себя не чувствую! Он относится ко мне как... как... как к сестре, вот!

– Как к сестре, говоришь? – с непонятым выражением переспросила Дорминда. – Ну что ж, тогда одевайся, я покажу тебе, какая жизнь тебя ждет рядом с таким... братом. В храме вчера как раз объявляли, что сегодня будут клеймить. Вот и посмотришь.

Бросив на плите наполовину приготовленный обед, они торопливо оделись, причем Дорминда все время подгоняла Ли́ку, и поспешили на храмовую площадь. Действо еще не началось, но народу столпилось уже немало. Несколько небольших групп, в которых преобладали плачущие женщины, держались ближе к помосту.

– Родственники! – неодобрительно поджала губы Дорминда. – Попрощаться пришли! Можно подумать, после суда не попрощались!

– Попрощаться? – машинально переспросила Ли́ка, наблюдая за выплескивающимся из глаз родственников горем. – Разве кого-то будут казнить?

– Ну что ты, глупая, казнь – дело серьезное! Нет, этих только заклеят, но они для всех все равно что умрут.

– Почему?

– Потому что это грех, общаться с клеймеными!

Глаза у Ли́ки чуть не выпрыгнули из орбит.

– Но ведь ты же общаешься с Ташем! Даже работаешь на него! Значит, ты тоже грешешь!

Дорминда нехотя повернулась к ней.

– Ты знаешь грех, худший, чем неблагодарность?

Не понимая, что она от нее хочет, Лика неуверенно покачала головой.

– Нет.

– Вот и я не знаю. Когда Таш купил в Закорючке дом, многие не хотели, чтобы среди нас жил изгой, все грозились поджечь. Тогда он пообещал, что нас никто не будет трогать. И правда, за все время нас ограбили всего один раз, да и то не местные. На следующий день этих воров нашли мертвыми прямо у ворот дома, который они ограбили. Они лежали там вместе с награбленным. На другой день после этого я пришла к Ташу и предложила помощь по хозяйству, потому что в ограбленном доме жила моя дочь. Да, я грешу, когда общаюсь с ним, но согрешила бы еще больше, если бы не попыталась отблагодарить. Теперь понимаешь?

– Теперь понимаю.

– Ничего ты не понимаешь, глупая! Изгой может заставить согрешить, даже если делает тебе добро! От них вообще лучше держаться подальше!

В этот момент два монаха у дверей храма затрубили в длинные трубы, и из боковых ворот вышла целая процессия. Небольшую цепочку прикованных друг к другу одной длинной цепью преступников сопровождала охрана, одетый в красное палач и жрец в черных просторных одеяниях.

Толпа зашумела, задвигалась и приготовилась к зрелищу. Скованных цепью будущих изгоев заставили подняться на небольшое возвышение, где храмовые служки уже развели костерок в большой железной чашке. Жрец торжественно прочитал над огнем молитву, и действие началось. Достав из папки первую бумагу, он назвал имя и навстречу ему вышел один преступников. Жрец громко зачитал, в чем заключалось его вина (украл курицу), взял поднесенную служкой печать и шлепнул ему на внутреннюю сторону предплечья, посередине между локтем и запястьем. Охранники сняли с него цепи и отпустили.

– И все? – почему-то шепотом спросила Лика. – Теперь он – изгой? Всего лишь за курицу?

– Да нет же, глупая! – зашипела на нее Дорминда. – Это временное клеймо за мелкое преступление!

– А он тоже умрет для своих родственников?

– Да всего лишь на год! Он отработает свою вину в храме! Смотри дальше!

Дальше было еще несколько временных клейм за мелкие проступки. А потом голос жреца изменился, и толпа снова зашевелилась в предвкушении. Прозвучало женское имя, и вперед вытолкнули совсем молоденькую девчонку с ребенком на руках. Ее грех жрец зачитывал чуть ли не завывая, а она стояла перед ним, не поднимая глаз. Наконец палач взял длинную, докрасна раскаленную с одного конца железяку, схватил за руку преступницу и прелюбодейку и прижег ей то же место, что и у остальных. Она не закричала, только закусила губу. Жрец посыпал ее клеймо розовым порошком и приказал развернуть ребенка. Она послушно выпростала из пеленки ручку младенца, к которой палач тоже прикоснулся раскаленным железом. Ребенок закричал так, что Лике стало плохо. Она едва не упала, не поддержи ее довольная произведенным эффектом Дорминда. Хотя сердце от плача ребенка сжималось и у нее.

– Хорошо, что у нее девочка! – решив утешить свою подопечную, сказала она. – Хоть дадут вырасти. Правда, потом все равно...

– А если бы мальчик? – как сквозь пелену спросила Лика, подумав о своем хозяине.

– Мальчикам тяжело приходится, – не пожелала вдаваться в подробности Дорминда. – Из них мало кто выживает.

Молодую мать расковали и отпустили, но ребенок на ее руках продолжал заходиться криком. К ней сразу подошли две вульгарного вида женщины в ярких платьях.

– О, налетели уже, вороны! – в сердцах плюнула Дорминда. – Хотя куда ей еще деваться? С ребенком-то на руках?

Далее перед жрецом встал невысокий тощий мужик. Его вину жрец зачитывал с особой торжественностью, потому что это был убийца. Его руку тоже прижгли, посыпали красным порошком, после чего расковали и толкнули с помоста. На беднягу тут же набросились несколько человек (родственники убитого – пояснила Дорминда) и несколько раз пырнули ножом. Толпа на это отреагировала весьма одобрительно.

– Они в своем праве, – нехотя сказала Дорминда. – Хотя могли бы и подождать, пока народ разойдется.

Лица уже ничего не спрашивала и не уточняла. Молча смотрела на молодую мать, которую уводила с собой одна из хозяек публичного дома, на распростертое у подножия тело, которое служки уже крюками затаскивали на низкую раздолбанную телегу. Но представление еще не закончилось. К жрецу принесли еще двоих младенцев, на этот раз без матерей.

– Подкидыши, – брезгливо сказала Дорминда.

Их прижгли, не обращая внимания на плач, посыпали ранки синим порошком и унесли в храм.

– Что с ними будет? – чужим голосом спросила Лица.

– Ничего! – резко ответила не желающая вдаваться в подробности Дорминда. О судьбе таких детей ходили страшные слухи, и, учитывая то, что она ни разу не встречала взрослого изгоя, выросшего при храме, пожилая женщина склонна была им верить. Но говорить об этом впечатлительной Лице ей не хотелось. – Там о них позаботятся!

Лица вдруг повернула к ней резко повзрослевшее лицо и спросила:

– Дорминда, почему их просто не убивают? Зачем заставляют переживать *такое*, если потом все равно убьют?

– Наша всемилостивейшая богиня не хочет просто так отнимать подаренную жизнь! – заученно ответила та. – Она хочет, чтобы ее дети через унижение других научились бояться и избегать греха, где бы он их не подстерегал! А жизнь изгоя ей не нужна, она навсегда изгоняет его из своего сердца, потому что он есть воплощенное зло! Лица покачала головой и отвернулась. Нет, ей никогда этого не понять.

Домой они возвращались молча. Даже на Дорминду церемония произвела тяжелое впечатление, хоть она ни за что не призналась бы в этом. Дома они опять же молча доделали все дела, и Дорминда, уже уходя, все-таки заговорила с мрачной и потерянной Ликой.

– Лица, доченька, нравятся тебе наши порядки или нет – тут уж ничего не поделаешь! Такова жизнь! Таш – хороший человек, это я могу сказать открыто. Он изгой и преступник, но он хороший человек! За два года, что я к нему прихожу, я не слышала от него ни одного дурного слова! Но ты, Лица, девочка моя, беги от него, как от огня, пока еще не поздно. Он пожалел тебя, так воспользуйся этим! Устрой свою жизнь, выйди замуж, нарожай деток. Что еще нужно женщине для счастья?

После этих слов пожилая служанка прослезилась, и Лица, тоже расплакавшись, обняла ее, не зная, что сказать. Она видела, что Дорминда и в самом деле переживает за нее, но не могла ей ничего пообещать, кроме того, что хорошо обо всем подумает.

Она ушла, а Лица без сил свернулась калачиком на кровати, стала думать. Правда, думалось ей совсем не о том, о чем советовала Дорминда. У нее перед глазами, как наяву,

стоял помост, на котором клеймили грешников. Она вспоминала, как они протягивали палачу руки, и ей становилось не по себе от беспомощности этого жеста. Она вдруг поняла, почему клеймо не ставят на более заметном для окружающих месте – оно в первую очередь было предназначено для самих изгоев. Чтобы они каждый день смотрели на него и знали, что они – отверженные. Что они никому не нужны, даже давшим им жизнь богам. Чтобы они чувствовали себя грязными и стыдились этого. Чтобы они не сопротивлялись, когда их будут убивать. Чтобы сами не хотели жить.

А еще Лика поняла, почему Таш никогда в жизни не позволит ей остаться с ним. Потому что не захочет, чтобы его ребенку досталось такое же клеймо, как у него. Дорминда как-то упомянула, что он – изгой с рождения, и Лика уткнулась в подушку, давась рыданиями, от представившейся ей картины его клеймения.

Потом взяла себя в руки и успокоилась, решительно вытерев слезы. Таш хочет, чтобы она вышла замуж? Хорошо, чтобы доставить ему удовольствие, она попытается.

Хотя мысль о замужестве вызывала в ней отвращение, и она даже знала почему. Если она свяжет судьбу с кем-нибудь из местных, ей придется с головой окунуться в эту жизнь, и спасения уже не будет. Она окажется связанной по рукам и ногам обязательствами перед мужем, детьми и родственниками, сверху ее придавит груз многочисленных обязанностей жены и матери семейства. И храм, со своими порядками, будет стоять надо всем этим, придавливая ее своим могуществом. Лика уже сейчас задыхалась, и на секунду ее посетила крамольная мысль, что проще было бы умереть, чем добровольно ввязываться во все это.

Глава 3

Таш и Самконг уже битый час ломали друг друга на тренировочной площадке. После вчерашней попойки на Самконга было жалко смотреть, но именно в такие дни на него обычно накатывало желание начать вести здоровый образ жизни и поддерживать свое тело в должном состоянии. Силушкой его богиня не обидела, но гибкость с возрастом стала не та, и он пыхтел, как забытый на плите горшок каши, пытаясь вывернуться из очередного захвата Таша, который, проявляя редкостную жестокость, даже не думал поддаваться. Напротив, сделал еще пару неуловимых движений – и безжалостно ткнул старого друга мордой в песок, которым был щедро посыпан поединочный круг. Отпустил же его только тогда, когда побежденный друг энергично заскреб землю свободной пятерней.

– Ну, что, хватит на сегодня? – спросил он, протягивая Самконгу руку.

Тот, отплевываясь, схватился за нее и тяжело поднялся с колен.

– Хватит, – недовольно проворчал он. – Ну ты и...

– Кто? – спокойно поинтересовался Таш.

– Гусь! – огрызнулся Самконг. – Только кости ломать горазд! Никакого душевного понимания в тебе нету.

– Понимания? – удивился Таш. – Какого свигра я тебя понимать должен? Это что, я тебя с бодуна сюда притащил?

– Ну, тащить, может и не тащил, – нехотя согласился Самконг, – но что песок заставил жрать, это да!

– Знаешь, что? – разозлился Таш. – В следующий раз, когда на тебя накатит, я буду тебя на скотном дворе тренировать, чтобы ты вместо песка навоз жрал!

– Я же говорю, никакого душевного понимания и сострадания к чужой головной боли! У самого-то, небось, ничего не болит!

– Ну вот, я еще виноват в том, что не нажрался вчера, как некоторые!

– Да ты мало того, что не нажрался, так еще и слинял в самом разгаре праздника. Все наши, помню, удивлялись, куда это ты подевался?

– А они еще способны были заметить, что меня нет?

– Конечно, способны, за кого ты нас принимаешь? Все заметили, что тебя нет, даже Лайра глазки продрала и поинтересовалась: а что это Таш ее девочек так невежливо проигнорировал? Не понравились, что ли? Всего-то одну и помял.

– Какого змея? – опять вскипел Таш. – Я вам что, петух, что ли, на каждую курицу кидаться?

– Не горячись, Таш, они же не со зла! Вон Валдей сразу за тебя заступился! Так прямо и сказал: Таш вам что, жеребец, что ли? У него дома такая краля живет, что на других даже и смотреть не захочется.

Таш мгновенно остыл. Так вот к чему весь этот разговор.

– Допустим. Только она не краля, и если кто к ней свои лапки потянет, может и огрести, ясно?

– Да это всем уже давно ясно. Неясно только то, зачем ты ее до сих пор прячешь. Ты ж ее вроде как замуж собрался отдавать?

– Может, и собрался. Вам-то что?

– Да нам-то ничего. Только как она себе жениха найдет, если ты ее из дома не выпускаешь?

– Как вы меня достали все! Болела она, ясно? Болела! Вам что, Заген не натрепал, в каком состоянии она ко мне попала?

– Да ладно, ладно, Таш, не злись! – примиряюще сказал Самконг. – Это я так, к слову. Но сейчас-то, я надеюсь, она выздоровела? Может, позволишь посмотреть, а?

Таш вдруг расхохотался.

– Самконг, друг мой! Ты полчаса выводил меня из себя только для того, чтобы попросить показать тебе мою рабыню?

Друг пожал плечами и тоже рассмеялся.

– Ну, а зачем же еще?

– А нормально попросить не мог?

Самконг делано вздохнул.

– Таш, друг мой! Я знаю тебя уже столько лет, что с большой долей уверенности могу сказать, что если бы я попросил тебя, как ты выражаешься, нормально, то ты послал бы меня так далеко и надолго, что у меня не было бы никаких шансов вернуться. – Баронское воспитание иногда начинало лезть из Самконга, как шерсть с шелудивого кобеля.

Таш хмыкнул.

– Как пить дать, послал бы! Нечего ей с изгоями клейменными якшаться! Ей, как ты правильно заметил, еще замуж выходить!

– А я не клейменный, Таш! Я, если что, и жениться могу!

Оба засмеялись, но Таш при этом все-таки наградил своего друга увесистым подзатыльником. По-дружески, разумеется. А клейма у Самконга действительно не было, и оба знали, почему.

* * *

Таш и Самконг познакомились во время драки в одном из портовых кабаков Вангена, столицы Вандеи. Обычная свалка, наступившая после пьяного вопля «Бей клейменных!» Лучшее развлечение для одуревших от морского однообразия матросов. Изгоев в кабаке обнаружилось всего человек пять, включая Таша, но к ним неожиданно присоединился высокий черноволосый красавец, явно благородных кровей. Высокомерно заявив, что он тоже изгой, он вытащил меч и вскочил на стол, первым открывая всеобщее веселье.

Он был великолепен. Таш краем глаза наблюдал за ним с невольным восхищением. Парень прыгал по столам, как горный козел по скалам, блестя синими сумасшедшими глазами, и успевал между делом раздавать комплименты столпившимся у дверей кухни служанкам.

К концу драки они остались вдвоем. Встали спиной к спине, что получилось как-то само собой, и приготовились дорого отдать свои жизни. К их удаче в этот момент в кабак ввалилась городская стража и повязала всех, не разбираясь, кто изгой, а кто нет.

Потом, уже в участке, все-таки разобрались, матросов отпустили, а изгой, как всегда, остались виноватыми. Таш и Самконг провели ночь в тюрьме, ожидая наутро самого худшего. Тогда-то Самконг и вывалил на новообращенного друга свою историю.

Оказалось, что он действительно был законным сыном одного вантийского барона, который, будучи уже немолодым и имея взрослых сыновей от первого брака, женился вторично на красивой дворяночке из одного из обедневших, но знатных родов. Молодую жену он обожал, и сына, который в скором времени появился на свет, тоже. Он даже изменил завещание, чтобы после его смерти оба дорогих ему существа были обеспечены самым наилучшим образом. Самконг с детства ни в чем не знал отказа, а когда подрос, его отправили учиться в лучшую школу меча в Ванте, после чего он собирался занять достойное его место при вантийском дворе.

К сожалению, этим мечтам не суждено было сбыться. В один прекрасный день барон, бывший к тому времени уже очень старым человеком, отправился в мир иной, а его стар-

шие сыновья приложили все усилия к тому, чтобы наследство оказалось поделенным между двумя наследниками вместо законных четырех. Они обвинили мать Самконга в грехе прелюбодеяния, а также в том, что она произвела на свет ублюдка, и подали на нее в суд. Как назло, красавец Самконг был точной копией своей матери, не унаследовав от отца ничего, кроме баронской гордости и любви к прекрасному полу, а потому доказать что-либо в суде молодой баронессе было очень сложно. Точнее, невозможно, потому что ее пасынки откуда-то привели не меньше двух дюжин свидетелей ее развратного поведения, а также представили суду множество улики. В общем, мать осудили и приговорили к позорному клейму и работе в городском публичном доме, дабы возместить семье барона все затраты на воспитание ублюдка.

Сам Самконг в это время был в школе и ничего не знал о произошедшем. Его вызвали в столицу ничего не объясняющим письмом, и только преданность старого слуги не позволила ему попасть в руки правосудия. Он вовремя сбежал, разумеется поклявшись отомстить и вытащить мать при первой же возможности.

Таш, которому на тот момент было все равно куда идти и для которого понятие «мать» было свято, пообещал помочь. Если к тому времени будет еще жив, конечно.

В тот раз удача от них не отвернулась. Им удалось удрать буквально из здания городского суда, и они так и не узнали, в чем их обвиняли и к чему собирались приговорить.

Да, они отомстили всем виновным так, что мало не показалось. Оба сводных брата Самконга отправились на тот свет, а сильно пострадавший в пламени пожара и частично разрушенный баронский замок до сих пор продолжает наводить ужас на обитателей тех мест. Мать они тоже вытащили и, благодаря реквизированным из замка фамильным драгоценностям, золоту и ценным бумагам, устроили со всем возможным комфортом в небольшом грандарском городишке. К сожалению, все их старания оказались бесполезными. Баронесса медленно угасала, не в силах пережить тот стыд, который выпал на ее долю. Она умерла всего через год после тех событий, и было ей на тот момент всего тридцать семь лет.

У Самконга не было клейма, и если бы теперь, при его нынешнем богатстве, он решил бы попытаться исправить давнишнюю несправедливость, то у него это вполне могло получиться. Таш был уверен, что он без особого труда смог бы вернуть себе титул барона, вместе с землями и замком, которые принадлежали ему по праву. Но еще больше он был уверен в том, что стоит Самконгу появиться в любом государственном учреждении Ванта и назвать свое имя, как его моментально схватят и предъявят ему такой список всевозможных преступлений перед законом и короной, что, каким бы он ни был высоким и крупным мужчиной, на его теле все равно не хватило бы места для всех клейм, которые он заслужил. То же самое касалось и еще полутора-двух десятков стран по всему побережью, которые Самконг в разное время почтил своим присутствием. Иногда в компании Таши, иногда в какой-нибудь другой компании, когда случалось так, что жизнь разводила друзей в разные стороны.

Таш закончил свои дела только к вечеру, когда на Олген опустились ранние осенние сумерки. Уже сто раз прокляв про себя всех богов, он зашел за Самконгом, чтобы все-таки отвести его к себе домой. Что из этого получится, он, конечно, мог себе представить, даже мог предложить на выбор несколько вариантов развития событий, но ни один из них его не устраивал.

Самконг всегда нравился женщинам, да и как он мог не нравиться, если у него было все, что они любят? И внешность, с годами, конечно, изменившаяся, но нисколько не утратившая своей привлекательности, и, что гораздо важнее, манеры бывшего барона, умевшего превращаться в заправского обольстителя и дамского угодника. Кроме того, любовь у Самконга с прекрасным полом была взаимной. Женщины любили его, а он любил их. И в этом, по мнению Таши, заключалась самая главная опасность.

Но, с другой стороны, рано или поздно эта встреча все равно произойдет, так лучше пусть все случится сейчас, чем тогда, когда уже сложно будет что-либо изменить. В общем, сказать, что у Таша на душе кошки скребли, значит, ничего не сказать. Впрочем, оказалось, что кошки скребли не у него одного. Вышедший из дома Самконг, по самые глаза закутанный в плащ, неожиданно матюгнулся и сунул руку за пазуху.

– Вот зараза, царапается!

– Чего там у тебя? – удивился Таш.

– Чего, чего. Подарок для твоей рабыни.

– Это еще зачем?

– Эх, Таш, вот вроде и не дурак ты, и на свете не первый год обретаешься, а таких простых вещей не понимаешь! Разве ж можно к бабе без подарка ходить?

– Она не баба!

– Так тем более!

Таш хмыкнул, но ничего не сказал. Так и молчал до самого дома. Самконг, хорошо зная своего друга, даже не пытался его разговорить. Все равно бесполезно.

Идти было недалеко, поместье Самконга располагалось на окраине Олгена, подальше от любопытных глаз, но все же неподалеку от Закорючки. Хотя дорога и не заняла у них много времени, все же, когда они подошли к дому Таша, уже совсем стемнело и на небе загорелись первые звезды. Воздух был стылым, и по всему было ясно, что ночью наверняка ударит первый морозец.

Таш не стал открывать своим ключом, просто постучал. За дверью раздались легкие шаги, щелкнул замок, и... Самконг, уже приготовившийся говорить приветствие, замер с открытым ртом. На пороге стояла Рил.

– Рил, у нас гости, – сказал Таш, награждая друга чувствительным тычком в спину.

Тот закрыл рот и шагнул через порог, но дар речи так и не обрел.

– Это мой старый друг Самконг, Рил, – представил смутившегося друга Таш, хотя кто угодно мог поднять его за это на смех. Надо окончательно свихнуться, чтобы представлять друзей рабыне.

Впрочем, сам друг против этого не возражал. Негнущимися пальцами он расстегнул плащ, достал из-за пазухи «подарок» – маленького белого котенка.

– Тебе случайно кот не нужен, красавица? – криво улыбнувшись, выдавил из себя подрастерявший свои манеры барон. – Хороший кот, всех мышей у вас переловит!

Рил рассмеялась и хотела взять пушистое чудо, но потом вопросительно глянула на Таша. Он кивнул.

– Я назову его Пушок, можно? – спросила она, беря на руки котенка. – У него же еще нет имени?

– Конечно, называй, красавица! – Обретший уверенность Самконг улыбнулся одной из своих самых обаятельных улыбок. – Ему точно понравится!

– Рил, собери-ка нам что-нибудь поужинать! – прервал процесс очаровывания Таш.

Она кивнула и исчезла на кухне, а Таш повел друга в гостиную. Там бывший барон окончательно пришел в себя, расслабился, заговорил о каких-то пустяках, только изредка поглядывая на снующую туда-сюда Рил. Наконец она пригласила их к столу, а сама повернулась, чтобы уйти. Но гость не дал ей этого сделать.

– Рил, девочка, посиди с нами! Составь компанию двум старикам! Таш, ты же не против?

Таш пожал плечами. Даже если и против, что это изменит? Рил на секунду замерла, а потом обошла вокруг стола и села на край той скамейки, на которой сидел Таш. Самконг опять криво усмехнулся, но потом заговорил, постепенно вовлекая в разговор и ее. И вскоре они уже дружно смеялись над очередной байкой главара Олгенского ночного братства. Таша

это зрелище резало ножом по сердцу, он молча пил и только изредка улыбался, чтобы поддержать разговор.

Наконец Самконг засобирався уходить, и Таш вышел вместе с ним. Они молча шли по большому запущенному саду, и вдруг Самконг остановился.

– Не дело ты задумал, Таш!

– О чем ты?

– Ты знаешь, у нас в Ванте есть поговорка: голубая кровь и сквозь грязь просвечивает.

– Голубая кровь? У кого, у Рил? Да откуда ты можешь это знать? – Таш не хотел даже думать о такой возможности. Он попросту боялся, что это может оказаться правдой.

Самконг усмехнулся.

– Ты все время забываешь, кто я такой. У меня, между прочим, со стороны отца двенадцать поколений благородных предков. А со стороны матери двадцать три. Я такие вещи нюхом чую. Не сможет она жить замужем за лавочником. Заметь, я не говорю о том, будет она за ним счастлива или нет. Такой вопрос даже не стоит. Она не сможет с ним жить, понимаешь? Рано или поздно или сбежит, или наложит на себя руки, это я тебе точно говорю. А ты хоть раз думал, что будет, если она вспомнит, кто она такая, а будет уже поздно, и она будет связана по рукам и ногам?

Такая мысль и Ташу приходила в голову неоднократно.

– Ее дед ее и продал. Семья не примет Рил обратно. Ей придется смириться.

Самконг немного помолчал.

– Как ты думаешь, откуда она вообще? Сигурия?

– Сигурия? – переспросил Таш. – Я думал об этом, но вряд ли. Ты же знаешь, какие они там.

– Да уж! – усмехнулся Самконг. – У них даже бабы – амбалы. Но зато блондинки.

– И ведьма на ведьме. – Таша слегка передернуло от неприятных воспоминаний. Национальный характер коренных сигурийцев отличался крайней степенью неуживчивости. Хорошо еще, что местные не знают, да и не хотят знать, как выглядят сигурийцы, иначе у Рил было бы много проблем. Они уже давно стали притчей во языцех на всей материке.

– Отдал бы ты ее мне, Таш. Если уж сам взять боишься. Ты же знаешь, что я ее не обижу.

– С чего ты взял, что я боюсь?

– А то я не вижу, что ты ее хочешь, но не решаешься? Да и кто бы на твоём месте не хотел? И не надо смотреть на меня зверем, я не собираюсь переходить тебе дорогу! Один раз уже перешел, так до сих пор тошно! Ты же помнишь, Зару, друг?

Еще бы Таш не помнил Зару. Юная кокетка здорово покружила им с Самконгом головы на самой заре их жизни. Оба увлеклись так, что света белого не видели. А она не хотела выбирать, гуляла поочередно то с одним, то с другим, доводя их до белого каления. Один раз они чуть не поубивали друг друга, и после этого Таш отступил. Он не мог воевать против Самконга, друга и больше чем брата. К тому же бывший барон всегда нравился женщинам, и Таш думал, что Зара наверняка любит его, а с ним так, играет. Но только с Самконгом у них что-то не заладилось. Она пробыла с ним около месяца и сбежала с каким-то купчишкой в Ванген, после чего следы ее затерялись. Только через несколько лет Таш узнал, что этот ублюдок продал ее в публичный дом. Он бросил все и помчался в столицу, надеясь на чудо. Ему даже сейчас было тяжело вспоминать, как он носился по всему Вангену, пытаясь собрать хоть какие-нибудь сведения о ней. И то, что он узнал... Честно говоря, он предпочел бы никогда этого не знать. В борделе она не задержалась, потому что почти сразу же заболела. Ее вышвырнули на улицу, и она умерла под забором, потому что никто не бросил ей даже корки хлеба. Да она и не просила. Она всегда была слишком гордой.

Таш долго не мог поверить, что ее нет. Что то, что горело в ней, играло и переливалось всеми цветами радуги, навсегда ушло из этого мира.

Он нашел того, кто ее продал, и отрезал у него то, чего бояться лишиться все мужчины на свете. И никакое сострадание не шевельнулось в его душе, потому что *этот* его не заслужил.

Таш никогда не обсуждал с Самконгом то, что случилось с Зарой, и не знал, помнит ли он ее вообще. Оказалось, что помнит.

– Она ведь любила тебя, Таш! – после некоторой паузы продолжил Самконг. – Тебя, а не меня. А ты ее мне отдал. А я, дурак, принял. Лучше бы ты меня тогда убил. Так вот, слушай сюда! – Он ткнул Таша твердым, как палка, пальцем. – Если ты Рил не понравится замужем, вернее, когда Рил поймет, что ей не нравится замужем, я приду и заберу ее, понял?

Он повернулся и зашагал по выложенной камнями дорожке. Таш усмехнулся в усы.

– Если ей там не понравится, я сам ее заберу.

– Приятно сознавать, что твой друг не окончательно впал в маразм на старости лет! – со смехом отозвался Самконг.

Через несколько секунд хлопнула калитка, и все стихло.

* * *

Рил как раз заканчивала мыть посуду, когда он зашел на кухню и стал в дверях, при-слонившись к косяку.

– Тебе понравился Самконг? – безо всяких предисловий спросил он.

– А должен был?

– Он всегда нравился женщинам, они просто падали в его объятия, стоило ему только намекнуть.

– Ну, я не могу сказать, что он мне не понравился, но в его объятия мне падать не хочется.

У Таша отлегло от сердца. Уже другим голосом он спросил:

– Как прошел день? Кстати, как ты себя чувствуешь? Дорминда говорила, что тебе нездоровилось.

– Нет, нет, все в порядке, – быстро ответила Рил. – А день прошел хорошо. Господин Таш, мне нужно с вами поговорить. – Она вытерла руки и села за стол. Таш вспомнил наставления Дорминды.

– Да, мне с тобой тоже.

Рил вздохнула, собираясь с мыслями.

– Давайте сначала вы.

– Хорошо. В общем, так. Я хочу, чтобы ты ходила к подружкам. Ну, там, гуляла, общалась, и... что они там еще делают? Не надо сидеть и ждать меня к ужину. Поняла?

– Да. Вы хотите, чтобы я вышла замуж? – спросила она упавшим голосом.

Таш на данный момент хотел только поцеловать завиток волос у нее на шее, но, сделав над собой усилие, сказал:

– Да, хочу.

Рил почувствовала, что говорить больше не о чем. Она встала, чтобы уйти и спрятаться у себя в комнате, но Таш спросил:

– А ты о чем хотела со мной поговорить?

Она с усилием ответила:

– Да я, собственно, о том же.

На следующее утро Дорминда застала Лику на кухне играющей с белым пушистым котенком.

– Доброе утро, Дорминда! – Лика, улыбаясь, поднялась с колен.

Котенок, желая продолжить игру, вцепился ей в платье и повис на нем. Лика расхохоталась.

– Откуда это у тебя? – с подозрением спросила Дорминда.

– Это подарок! – Лика перевернула Пушка на спину и погладила ему живот босой ногой.

– И кто подарил?

– Какой-то приятель Таша вчера приходил, он и принес.

– А зовут его как?

– Пушок.

– Да нет, приятеля!

– А, приятеля! Самконг.

Если бы Лика не была так занята котенком, то она заметила бы, какое впечатление произвело это имя на пожилую служанку. Она замерла и молча опустила на стул.

– А Таш с тобой ни о чем вчера не говорил? – безнадежно спросила Дорминда.

– Ах, ну да! – Лика посерьезнела и уселась на табуретку напротив Дорминды. – Он велел мне больше общаться со сверстниками, ходить гулять, ну и все такое. Только, Дорминда, как я смогу это сделать? Я, кроме Неты, и не знаю никого... – Немного отошедшей от вчерашних переживаний Рил идея выйти замуж казалась все менее и менее привлекательной, даже несмотря на ясно выраженное желание Таша. – Может, плюнуть на все это? Что он мне за это сделает? Ну, не убьет же, в конце концов! Да если и убьет, невелика потеря.

– Что ты говоришь, девочка?! – замахала на нее руками Дорминда. – Как ты можешь такое думать? Нельзя ослушаться приказа хозяина, грех это! Одевайся, я тебе помогу! – Лика неохотно встала и пошла в свою комнату, но Дорминда, подумавшая о том, что надо бы покормить кота, ее окликнула. – Лика, а молоко где? Ты забирала утром с порога?

– Ой! – Лика обернулась и виновато развела руками. – Молока у нас сегодня нет! На крыльце мне Пушок под ноги прыгнул, я оступилась и уронила кувшин. Прямо на землю. Он не разбился, но молоко все вылилось.

– Ну ладно, тогда возьми деньги, зайдем по дороге на рынок, там и купим.

* * *

Дорминда привела Лику в дом сапожника Грона. Оставив девушку в прихожей, тихо пошептала о чем-то с женой сапожника, невысокой дородной женщиной с простоватым лицом. Женщина с пониманием выслушала Дорминду, потом кивнула и куда-то ушла. Вернулась она через несколько минут, ведя за собой молоденькую пухленькую шатенку.

– Вот, познакомься, Лика, это моя дочка Нея. Нея, пригласи девочку к себе, а мы с госпожой Дорминдой пока тут посидим, поболтаем!

Нея, блестя любопытными синими глазками, подхватила Лику под руку и повела к себе в светелку. Там было уютно, стояла большая кровать со множеством подушек и подушечек, несколько огромных сундуков, наверное, с приданным, и все в комнате, начиная стульями и заканчивая комодом, было покрыто огромным количеством вязанного крючком кружева.

– Нравится? – спросила Нея, заметив удивленный взгляд Лики.

– Да, – ответила та, не желая обидеть хозяйку, хотя комната Неи показалась ей похожей на домик для куклы.

– А почему у тебя такое имя? – спросила Нея, усаживаясь на стул.

– А что в нем не так? – удивилась Лика, повинаясь властному жесту и усаживаясь рядом.

– Оно же грандарское. Ты что, из Грандара? Извини, но по тебе не скажешь.

– Не знаю! – пожала плечами Лика, вспомнив наставления Дорминды. – Я была совсем маленькой, когда попала в рабство.

Нея внимательно посмотрела на нее, как будто что-то прикидывая, а потом сказала:

– Да ладно, это неважно. Ты вот что, приходи вечером сюда. Мне родители разрешают у себя посиделки собирать. Ну, не в доме, конечно. Там, во дворе, флигель стоит, все равно пустует.

Лика нерешительно улыбнулась.

– Ладно. Только можно я с подругой приду?

– С какой?

– С Нетой, рабыней Здена. А то она вообще никуда не ходит!

– Да хоть целую толпу с собой приводи! – блеснув глазами, засмеялась Нея. – Мне только недавно разрешили посиделки собирать, так что лишние люди не помешают. А вообще ко мне приходят... – И Нея начала перечислять незнакомые Лике имена, перемежая их характеристиками обладателей, а также сведениями об их материальном положении, так что к концу разговора у Лики уже голова пухла от массы самой разнообразной информации.

Наконец к ним заглянула служанка.

– Госпожа Нея, вас маменька кличут!

– Ступай скажи, что сейчас спустимся! – строго сказала Нея, поднимаясь со стула. – С ними поосторожнее надо, а то совсем на шею сядут! – тут же объяснила она Лике. – С прислугой надо уметь общаться. Тебе, когда ты замуж выйдешь, это тоже пригодится! Отыграешься тогда за свое рабство! – И Нея громко расхохоталась.

Лика, растерявшись, еле смогла выдавить из себя улыбку. Впрочем Нея ничего не заметила и продолжила болтать, подкалывать и поучать свою новую подругу. Та только улыбалась в ответ, понимая, что ничего умного все равно сказать не сумеет. Хорошо было то, что Нея этого от нее и не требовала.

А вечером Лика, как и обещала, пришла к ней вместе с Нетой, и это был единственный плюс, который она увидела во всей этой затее. Нета боялась этих посиделок намного больше Лики, и ее подруге пришлось успокаивать и поддерживать ее. Тем не менее, несмотря на страх, на посиделках Нете очень понравилось, хоть она так и не решилась отойти от Лики дальше, чем на пять сантиметров. Но сидела довольная, рассматривала молодых людей, смеялась вместе со всеми над шутками, и глаза ее блестели, как звезды.

Остальная пришедшая на посиделки молодежь отнеслась к новеньким в целом нормально. Хотя некоторые девчонки и поглядывали на них косо, парни то и дело заговаривали с Ликой, приглашали потанцевать или предлагали проводить до дома. От танцев она неизменно отказывалась, говоря, что не умеет, да, собственно, это, возможно, и было правдой, но от провожания отделаться было сложнее. Чаще всего ей заявлялось, что им по пути, и до дома их сопровождало каждый раз по несколько парней. Впрочем, Лика не жаловалась, временами это было весело.

Когда Нея первый раз привела Лику к черноволосой красавице Даре, дочке мясника, та, выбрав момент, обрушилась на нее:

– Ты с ума сошла, Нея! Кого ты сюда привела? Ты видела, как парни на нее смотрят? Она же их всех у нас уведет! Ты просто дура!

– Сама дура, – беспечно ответила та. – Как бы она всем ни нравилась, ей все равно придется выбрать одного, а остальные нам останутся, куда им деваться? Зато ты представляешь, сколько их сюда слетится, как пчелок на цветок? Туча, не меньше!

– Значит, она цветок, а мы с тобой тогда кто?

Нея лукаво посмотрела на нее.

– Ну, скажем так. Она самый душистый цветок, а мы менее душистые. Но если мы будем рядом с ней, то пчелки и нас не обойдут вниманием.

– Ох и хитрая же ты, Нея! Тебе палец в рот не клади, откусишь!

– Это верно, – засмеялась Нея. – К тому же эта дурочка вряд ли сумеет выбрать приличного парня, да и не всякий на ней женится. Рабыня же. А подружка у нее – просто ужас! – Она презрительно скривила губки. Подруги рассмеялись, поцеловались и пошли к остальным.

В целом Нея оказалась права. Посиделки у нее и у Дары, с тех пор как на них стала бывать Лика, стали самыми многолюдными в Закорючке, и завистницам оставалось только кусать локти, потому что заманить ее к себе больше никому не удавалось. Она и на это ходила через силу. Куча полужнакомых парней и девушек, постоянно болтающих друг с другом и смеющихся над непонятными ей шутками, вызывала у нее неприятное ощущение одиночества в толпе и заставляла ярче осознавать свою непохожесть на них. Рил всматривалась в их лица, вслушивалась в разговоры, пытаясь понять, почувствовать их жизнь и найти ответ на один-единственный интересующий ее вопрос. Как они могут спокойно смотреть друг другу в глаза, зная, *что* почти каждый день происходит на центральной площади перед храмом? Но она зря подозревала их в излишней чувствительности, ни разу ей не удалось уловить даже намек на какой-то стыд или неприятие такого образа жизни. Да и с какой стати? И тогда Лика вдруг поняла, почему обычным людям позволено, даже вменено в обязанность убивать изгоев. Чтобы они тоже были повязаны кровью, и чтобы в мыслях не имели как-то возмущаться и протестовать. Откуда в голове у самой Лики взялись такие вопросы, мысли и ощущения, она не знала, да как-то и не задумывалась над этим. Для нее это было естественным, таким же, как и светлый цвет волос, растущих из этой самой головы.

И все же Лика не могла их осуждать. Она видела, что в основном эти молодые ольрийцы добрые и порядочные люди, твердо придерживающиеся установленных правил, и не их вина, что эти правила ей не нравятся. Да и к самой Лике они отнеслись неплохо, хотя она и не делала никаких шагов им навстречу. Некоторые девушки липли к ней, пытаясь подружиться, и многие из парней постоянно крутились вокруг нее, стараясь хоть как-то зацепить, прикоснуться, дотронуться, случайно или не очень. Но Лику ни то ни другое внимание не радовало и не привлекало, и она, придя в очередной раз на посиделки, забивалась куда-нибудь подальше и старалась стать как можно менее заметной.

Необходимость замужества давила на нее, как камень, и она окидывала иногда то одного, то другого парня беспомощным взглядом, понимая, что надо выбирать, но также понимая, что выбрать она не сможет.

С хозяином она почти перестала видаться, разве что по утрам, в обязательном присутствии Дорминды, и у нее не было возможности поговорить с ним об этом. Кроме того, ей показалось, что он начал избегать ее, и из этого Лика сделала вывод, что она ему надоела, он жалеет, что взвалил на себя такую обузу, и ждет не дождется, когда она исчезнет из его дома. «Отдам рабыню в хорошие руки!» – усмехнулась она про себя, представив себе бредовую картину, где Таш развешивает по Закорючке подобные объявления.

Однажды во флигель Неи заглянула группа молодых людей, узнав которых, юная хозяйка едва не лишилась чувств. Как поняла Лика, это были парни и девушки из местной «золотой молодежи», судя по тому, как внезапно смолкли все остальные. Но они повели себя

дружелюбно, и вскоре смех и разговоры зазвучали с новой силой. Нея под шумок подошла к Лике и буквально силой вытащила ее в центр комнаты, что-то усердно шипя ей на ухо, но за общим шумом Лике не удалось разобрать, что именно.

При виде Ташевой рабыни «золотая молодежь» притихла, но потом с Ликой заговорили, сначала девушки, потом парни, и ей пришлось улыбаться и поддерживать беседу, хотя бы для того, чтобы не подводить Нею. В результате она целый вечер развлекала чужих гостей и через пару часов была уже как выжатый лимон, с трудом вынося на себе чужие взгляды. К счастью, гости принесли с собой гитару и по очереди начали петь. Разговоры стихли, потому что развлечение это было барское, редкое среди мясников и сапожников. Они пели, сменяя друг друга, юноши и девушки, кто лучше, кто хуже. Наконец гитару взял в руки Тибун (сын богатого купца, как жарко нашептала в ухо Лике Нея) и провел пальцами по струнам. Лика невольно замерла. Вот его действительно стоило послушать. Когда он запел, голос у него оказался сильный, но мягкий, с бархатными переливами и потаенной страстью, которая так нравится женщинам. Девчонки, и правда, млели и от песни, и от самого певца, который был высоким и стройным, с очень смуглым лицом и квадратным подбородком. Он пел песню за песней и смотрел на Лику, которая сидела напротив него. Она уже не знала, куда деваться от красноречивых переглядываний и перешептываний вокруг нее, как вдруг он закончил петь и протянул ей гитару.

– Может, теперь попробуешь ты?

– Нет, я не умею! – Лика даже спрятала руки за спиной, но Тибун не собирался отступать.

– Это просто. Давай, я покажу тебе, как это делается!

Он сел рядом с Ликой и положил гитару ей на колени. Наверное, он не хотел ничего такого, просто приобнять понравившуюся девушку, показывая ей аккорды, но все случилось не так, как он планировал. Как только гитара оказалась в руках Лики, она почувствовала себя так, как будто встретила друга после долгой разлуки. Пальцы сами вспомнили, что нужно делать, легко пробежали по струнам, и неожиданно для всех прозвучала мелодия. Нежная, необычная, совсем непохожая на местные медленные и мелодичные баллады. Ее начали спрашивать, откуда эта песня, но она так и не смогла выдать из себя правдоподобное объяснение. Тибун, заметив ее смущение, быстро отшил всех любопытствующих и начал учить Лику местным песням. Это оказалось очень простым делом, она схватывала все на лету, потом негромко запела, и в комнате опять стало тихо, потому что это было прекрасно. Ее голос звучал, как весенний рассвет, как волшебная сказка на ночь, как обещание чего-то волнующего и несбыточного, такого, о чем все мечтают, но никогда не говорят вслух.

Ее долго не хотели отпускать, хотя было уже поздно. Мало-помалу молодежь все же начала расходиться, никому не хотелось получать нагоняй от родителей даже ради прекрасных песен. Лика устала, но Тибун не отходил от нее, а вместе с ним оставались во флигеле и некоторые из его друзей. Нета тихой мышкой сидела в уголке и ждала свою подругу, не решаясь возвращаться без нее. Лика, бросив на нее очередной виноватый взгляд, решительно встала.

– Мне пора!

Тибун тоже подскочил, схватил гитару и кивнул приятелям, чтобы уходили без него.

– Я провожу!

Никто не стал возражать, потому что парни, которые обычно провожали их с Нетой, частично разошлись, частично не захотели нарываться на неприятности, а Лике хотелось только побыстрее добраться до дома и доставить туда же свою маленькую подружку в целости и сохранности.

Но на этом ее мучения не закончились. Всю дорогу Тибун уговаривал ее взять его гитару, чтобы потренироваться без помех. Уже у самого дома, устав возражать, Лика согла-

силась, но с условием, что только до завтра. Тибун был рад и этому, хотя она не понимала, какое ему дело до ее тренировок.

Наконец они пришли. Нета, тихо попрощавшись, проскользнула в ворота, а Лика задержалась, потому что Тибун рассказывал ей очередную историю. На уход Неты, равно как и вообще на ее существование, он никак не отреагировал. Как будто ее и не было.

– Ну все, мне пора, до завтра!

В голосе Лики явно прозвучала усталость. Тибун создавал так много шума, что у нее разболелась голова. Она взялась за щеколду, но Тибун положил свою руку на ее ладонь.

– А завтра ты точно придешь?

Его прикосновение было ей неприятно.

– Я же обещала вернуть тебе гитару, значит, приду! – раздраженно сказала она и выразительно посмотрела на его руку. Хвала богине, руку он убрал. Лика вошла и громко хлопнула калиткой перед его носом. Больше всего на свете ей хотелось упасть на кровать и забыться сном. На плечи давила усталость, Лика еле брела по садовой дорожке, неся в руках гитару, которая казалась ей тяжелой, как камень.

Вдруг ее плечо сжала твердая ладонь. Она рванулась, но шарахнуться в сторону ей не дали.

– Это кто? – прозвучал прямо над ухом очень спокойный хозяйский голос.

– Это? – Рил не сразу сообразила о ком речь. – Это Тибун.

– А, Таронов сынок! – презрительно протянул Таш, поворачивая ее лицом к себе. – Молодец, богатого жениха себе нашла!

– Что? – опешила Рил. – Да как вы можете?

Он неприятно засмеялся.

– О, я еще и не так могу! А ты уже и подарки у него берешь? – Он взял у нее из рук гитару, покрутил, испытывая сильнейшее желание хватить ею о ближайшее дерево.

– Это не подарок! – возмутилась Рил. – Я взяла ее всего на один вечер! И этот проклятый Тибун мне не жених!

– Вот как? – переспросил Таш, опуская гитару. – Не жених? Значит, просто так гуляешь? А клеймо заработать не боишься?

– Послушайте, вы! – От злости глаза Рил замерцали в темноте зеленоватым светом. – Вы же сами велели мне ходить на эти свигровы посиделки! А еще кто-то обещал, что не будет отдавать меня кому попало и я выйду замуж, только когда сама захочу!

Однако, характер!

Разговаривать таким тоном и выдвигать Ташу требования давно уже никто не рисковал. Выходка рабыни его рассмешила, и с него как-то разом слетела вся ревность и накопившаяся из-за нее злость.

– Я от своих слов не отказываюсь!

– Вот и отлично! – отчеканила она. – Я понимаю, что вам не терпится избавиться от обузы, но будьте добры подождать, когда я выберу того, кто мне подходит!

Настал черед Таша опешить.

– С чего ты взяла, что я хочу от тебя избавиться? Я тебя что, как-нибудь обидел?

– Нет, но вы же хотите, чтобы я вышла замуж!

Ясно прозвучавшее в голосе отчаяние удивило его, и Таш, чьи мысли уже повернулись в другую сторону, осторожно сказал:

– Так будет лучше, Рил.

– Да знаю я! – уже спокойнее ответила Рил. – Я же пообещала, что попытаюсь!

Таш не помнил, чтобы она ему такое обещала, но это было неважно. Важно было то, что в ближайшем будущем она никуда не уйдет. Он протянул ей эту змееву гитару, которая все еще была у него в руке.

– Ладно, все, прошли мимо и забыли! Держи свою погремушку!

– Это не погремушка! – оскорбилась Рил за гитару. – Я сегодня научилась на ней играть.

– Как, за один вечер, что ли? – не понял Таш.

Рил пожала плечами.

– Наверное, я раньше умела, а теперь просто вспомнила. Хотите, я вам сыграю?

А почему он не должен этого хотеть?

– Ну, не здесь же. Пошли в дом!

Рил хотела начать показывать свои умения на кухне, но Таш не дал. Повел в гостиную, усадил на стул, а сам пошел разводить огонь в камине. Строго говоря, ему бы следовало приказать это сделать своей рабыне, но с кремнем и кресалом у нее отношения как-то не сложились, и она потратила бы на это дело часа три минимум. Таш на будущее пообещал себе купить ей магическую зажигалку, чтобы не мучилась. Наконец, создав соответствующий антураж и решив вознаградить себя за несколько дней ревности, Таш уселся напротив нее и торжественно сказал:

– Начинай!

Рил засмеялась и начала.

Если бы сейчас вместо пения она заорала, как ослица, Ташу и это не смогло бы испортить настроения, но она, сыграв вступление, запела своим красивым голосом грустную песню о несчастной любви садовника к прекрасной княжне. Ташу показалось, что она своими тонкими пальчиками вместе со струнами гитары касается и его души.

С ним что-то произошло. Он почувствовал, что в груди стало жарко, ледяная корка, которая покрыла его сердце после смерти матери, неожиданно дала трещину и сквозь нее несмело проглянул свет.

Ташу стало стыдно до боли перед этой девочкой и за свою страсть, и за свою ревность. Разве это то, что ей нужно? Ей, красивому беззащитному мотыльку, которого неизвестно каким ветром занесло к нему в дом и который доверчиво сел на его руку? У него ведь есть что предложить, кроме звериной страсти, есть! Есть переполняющая душу нежность старого изгоя, которому не довелось полюбить на своем веку.

Только предлагать ей ничего нельзя.

Он сидел неподвижно, опустив голову, и молча слушал ее голос.

Рил готова была петь всю ночь, но, к сожалению, песни, которые она выучила, быстро закончились. Она отложила гитару и посмотрела на своего хозяина. Таш сидел лицом к огню, и Рил только сейчас заметила, как он похудел. Его жесткое лицо осунулось, под глазами пролегли тени.

– Господин Таш, а вы сегодня ужинали?

– Кажется, нет.

– Превеликая богиня! – Рил вскочила со стула как ошпаренная.

Таш пытался ее удержать, но безуспешно. Разочарованный, он встал и пошел следом за ней на кухню, где она уже вовсю гремела горшками и сковородками. Он сел за стол и только сейчас понял, какой он голодный. Совсем как раньше, она накрыла на стол и села напротив, рассказывая, как прошел день. Таш ел как конь, расспрашивал ее о всякой ерунде и был счастлив, бесстыдно и безмятежно счастлив, хотя испытывать такие чувства изгоя совсем не подобало. Когда и ночь и еда значительно поубавились, они наконец разошлись по своим комнатам.

Рил думала, что заснет сразу, как только ее голова упадет на подушку, но этого не произошло. Несмотря на позднее время и усталость, она находилась в странно взвинченном состоянии. Крутилась на постели, сбивая простыни, и никак не могла заснуть. Сон пришел только под утро, но такой, что лучше бы не приходил.

Таш проснулся от ее крика, сорвался с кровати и бросился туда, откуда он доносился. Дверь, которую он двинул ногой, отлетела и со всего размаха грохнула об стенку. От шума Рил вздрогнула и перестала кричать. Таш подошел к кровати, она схватилась за него, как утопающий за своего спасителя, и забормотала что-то на том непонятном языке, который ее хозяину уже пришлось однажды слышать.

– Рил, что с тобой? – Она не реагировала. Он оторвал ее от себя и встряхнул. – Рил, ты понимаешь меня?

В сером свете начинающегося утра было видно, как она открыла глаза и заозиралась. Постепенно взгляд ее стал осмысленным, и Таш решил попытаться еще раз.

– Рил, что с тобой?

– Я видела, Таш! – с трудом выдавила она, забыв назвать его «господин» – Я видела, я не знаю, сон, наверное. Я шла по улице, и мне было плохо как никогда, я даже не знала, что так может быть. А вокруг были высокие каменные дома, и люди, люди... Много людей. Равнодушных, с пустыми глазами, они шли и шли куда-то мимо меня. А еще там были, – тут она снова сказала слово на другом языке, – машины, тоже много, я стала переходить дорогу, и не заметила, как одна выскочила из-за угла и... – Рил снова разревелась.

Таш посидел с ней, не задавая никаких вопросов, пока она не успокоилась и не заснула. Хотя ему было очень интересно, что это за скотина такая («маши-ина», кажется) выскочила на нее из-за угла. И как эту скотину можно прибить, если подвернется ненароком такой случай.

Было уже утро, и Таша застукала Дорминда, когда он выходил из комнаты Рил. Глянула на него испепеляющим взглядом, отчего Таш пришел в бешенство. Отдав ей ледяным тоном приказ, чтобы не *смела* будить его рабыню, пока та не выспится, он, не завтракая, пошел к Самконгу.

На крыльце он со всей дури пнул кувшин с молоком, попавшийся ему под горячую руку. Вернее, ногу. И в этот момент он очень хорошо понимал причины ненависти некоторых мужчин к своим тещам.

Глава 4

Огромный особняк Самконга стоял на краю города, почти рядом с лесом. В последние годы Олген активно разрастался, и многим уже не хватало места за крепостной стеной, которая, честно сказать, местами была чисто условной. Крепкой и внушительной она становилась только ближе к воротам, которых было всего пять, чтобы проезжающие через них купцы исправно платили пошлыны. Четыре из них располагались четко по сторонам света и назывались в честь стран, окружающих Ольрию: Грандарские с севера, Дирженские с востока, Вандейские с юга и Бинойские с запада. Через пятые же, самые маленькие, в город можно было въехать через Закорючку. Дорога от них вела в богатый пригород, откуда каждый день на столичные рынки ввозилось то, чем богата была Ольрия, и вывозилось то, что выставляли на продажу иностранные купцы. Для Самконга это было очень удобно, потому что его обозы беспрепятственно проезжали через эти ворота туда и обратно, не привлекая к себе особого внимания. Наличие ворот и уединенность и были тем основным критерием, по которым он выбрал для покупки именно это поместье.

Для властей старый друг Таша старательно изображал честного купца, благо отсутствие клейма позволяло ему это делать, и совершенно необязательно было кому-нибудь знать, что на самом деле происходило на большом купеческом подворье. А происходило там много интересного. И, если бы ольрийский князь не был так молод, его чиновники не любили бы так сильно золото, а сама Ольрия не была такой тихой и неиспорченной страной, то деятельность Самконга непременно рано или поздно привлекла бы к себе внимание. Пока же власти старательно закрывали на все глаза (не бесплатно, разумеется!), и Самконг чувствовал себя совершенно свободно. (В разумных пределах, конечно.) Слухи о них ходили самые разные. Иногда они и сами их распускали, но конкретно о них никто ничего не знал.

Всего два года назад они переехали сюда из Вандеи, где им в последнее время стало несколько тесновато. Тамошний князь решил взяться за преступность всерьез, и вандейская гильдия изгоев пошла ему на некоторые уступки. Доходы сократились, а количество рисков возросло в геометрической прогрессии. Да и как могло быть иначе, если еще десять лет назад князь организовал целое министерство сыска, и оно стало выпускать сыскарей, равных которым не было на всем континенте. А Самконг с друзьями, решив, что на Вандее свет клином не сошелся, перебрался в Ольрию, и, как показало время, не ошибся в своем выборе. Патриархальная Ольрия оказалась для них поистине золотым дном. Хотя они и до этого были людьми далеко не бедными, но здесь они заработали столько золота, что вполне могли бы купить себе небольшую страну. Впрочем, так далеко их амбиции не простирались. Они были люди вменяемые и понимали, что иметь страну – дело для изгоев слишком хлопотное и неблагодарное.

Их было семеро. Семеро изгоев, которые держались друг за друга, как самая настоящая семья, уже больше двадцати лет. Самконг, Таш, Франя, Валдей, Крок, Бадан и Лайра. Всего лишь семеро, но под каждым из них ходила такая толпа принадлежащего им со всеми потрохами народа, что никакому королю не снилось. Эта была обычная практика среди изгоев: каждый из них, кто чего-то стоял в этой жизни, набирал себе учеников. Которых обучал, за которыми присматривал, которым помогал со «связями» и с «карьерой». И которые потом выплачивали ему значительную часть от своего заработка до самой смерти учителя. Но никто не жаловался. Если бы не эти «учителя», мало кому из мальчишек-изгоев удавалось бы выжить, а что касается платы за науку – редко кто из самих «учителей» доживал до зрелого возраста, не говоря уж о старости, так что вопрос об оплате со временем снимался сам собой.

В более развитых странах, типа Вандеи, Биной или Ванта, сложились целые общины изгоев со своими законами и со своими правителями, с которыми приходилось считаться тамошним властям. В столице Вандеи Вангене были даже несколько кварталов, заселенных только изгоями, куда вход добропорядочным гражданам был заказан, за исключением разве что улиц с «красными фонарями». В девственно невинной Ольрии ничего подобного не было. Не было даже более-менее сносной организации, только нескольких подмявших под себя весь бизнес воротил, не соблюдающих никаких правил и творящих то, что захочет их левая пятка. Поэтому неудивительно, что, когда весьма серьезно настроенная «семерка» заявила в Олген, они ей нисколько не обрадовались. Не желая лишней крови среди своих, Самконг дипломатично попытался договориться, но привыкшие к безнаказанности местные повели себя очень непредусмотрительно. Они открытым текстом послали Самконга к свигровой матушке и подослали к нему наемных убийц. Главарь «семерки» пожал на это плечами, и за дело взялся Таш. Из Вандеи он привез с собой всего лишь нескольких не закончивших «образование» молодых парней, планируя набрать пополнение в Ольрии, но и этого оказалось более чем достаточно. Под руководством Таши, так сказать в порядке практики, они устроили непонятливую такую кровавую баню, что оставшиеся в живых очень быстро решили, что проще дружить, чем воевать. Тем более что «семерка» привезла с собой новые порядки, благодаря которым у изгоев и бизнес пошел лучше, и жизнь стала безопаснее. Хотя, конечно, доходы, которые стала получать сама «семерка» в результате этого нового порядка, не могли не вызывать бессильную черную зависть.

Каждый из членов «семерки» занимался своим делом. Всякого рода мошенничествами занимался рыжий, как лиса зимой, Бадан. Вспыльчивый Крок, со страшно изуродованным лицом, сколачивал шайки для грабежей. Непревзойденный карманный вор Франя обучил целый полк беспризорников, строго по расписанию работавших на рынке и в других общественных местах, которые он контролировал. Низенький толстячок Валдей занимался обычными кражами, а также скупкой и продажей краденого. Так как в Ольрии организовывали публичные дома в основном пожилые женщины, то и занималась ими женщина – Лайра, тридцатилетняя красавица, слишком много пережившая, чтобы оставаться просто женщиной. Всеми прочими делами – например, профессиональными нищими, имевшими свою собственную четкую организацию, игорным бизнесом или торговлей легким наркотиком нешхэ (тяжелый глат был ими сразу же запрещен ко ввозу в Ольрию) – занимался Самконг. Он же осуществлял и общее руководство. Для Таши после того дела в Ольрии по специальности работы было мало. Но он не жалел. Возраст. Время бурной молодости, когда хотелось самоутвердиться и повысить свой профессиональный уровень, давно миновало, и спокойная жизнь в Ольрии ему нравилась. Тем более что уровень ему, собственно, повышать было уже некуда, он и так считался самым лучшим убийцей магов (и не только магов) на материке. Да и дел в поместье у него было по горло – учеников он себе набрал выше крыши.

При такой умелой организации деньги широким потоком стекались в дом Самконга, а оттуда маленькими ручейками растекались по всей Ольрии, чтобы начать зарабатывать еще деньги, и так без конца. Им принадлежало очень многое в этой стране, а еще больше в других странах, но останавливаться они не хотели. Жить для того, чтобы транжирить заработанные деньги, было не по ним. И потом, для этого им надо было расстаться и научиться жить поодиночке, а никто из них этого не хотел. Их своеобразная семья была для них важнее денег и всего остального.

В тот день Таш пришел к Самконгу как обычно рано. С давних пор у них было заведено собираться по утрам всем вместе и обговаривать предстоящие дела. Франя, Крок и Валдей были уже на месте, а вскоре подошли и Бадан с Самконгом. Лайра, как любая уважающая себя женщина, немного опоздала.

Покончив с рутиной, стали расходиться. Таш отозвал Франю в сторону.

– Послушай, друг, не одолжишь мне одного из твоих пацанят? Совсем забыл, надо одну вещь купить и домой отнести. Купить я куплю, а отнести времени нет. Поможешь?

– Ну, о чем разговор, Таш! Само собой! Щас пришлю.

Таш едва успел дать задание своим ребятам, как его окликнули. Он обернулся и увидел парнишку лет десяти, маленького, худенького и подвижного до такой степени, что казалось, что он просто не умеет быть неподвижным. «Интересно, как он спит?» – пришло Ташу на ум, когда он рассматривал смуглую мордашку с быстрыми черными глазками.

– Ты от Франи? – спросил он.

– Само собой, – ответил тот, висая на ветке и раскачиваясь. – Он меня послал, потому что я самый быстрый. – Гордо добавил он.

– Да уж вижу. Как тебя зовут?

– Вьон.

– Хорошее имя! – одобрил Таш. – Ну, пошли.

Место, куда они отправились, было совсем недалеко. Маленькая лавочка, торгующая разными музыкальными инструментами, находилась недалеко от той невидимой границы, за которой для горожан начинались земли Самконга. Редко кто отваживался начинать свое дело у него под носом, но маленький сморщенный Редул был настолько поглощен музыкой, которую любил до безумия, что даже не заметил такой мелочи. Конечно же, к нему пришли поговорить два очень крепких молодых человека. Разговор получился короткий и очень содержательный: парни хотели, чтобы он им платил за защиту, а Редул был очень рад, что его будут защищать от неприятностей, и готов был платить хоть сейчас. На том и порешили. Плату с него взяли маленькую, уж очень человек был безобидный и не от мира сего. Грех с такого и брать. Но Ташу Редул нравился. Он иногда заходил к нему в лавку просто посмотреть, как Редул, как с ребенком, нянчится с очередной скрипкой или флейтой, бережно протирает их тряпочкой и сюсюкает над ними.

Вот и сейчас он держал в руках старенькую скрипку, и в глазах его было обожание.

– Ах, господин Таш, как я рад, что вы зашли! Вы только посмотрите на это чудо! Это же работа самого Брока! Я просто не могу поверить, что мне выпала честь держать ее в руках!

– Искренне рад за тебя, Редул! Но сегодня я по делу.

– Я весь к вашим услугам! Чем могу помочь? – Редул бережно положил скрипку и почти бегом направился к Ташу.

– Мне нужна гитара, хорошая гитара. Самая хорошая.

– Конечно, конечно. Только позвольте спросить, вы покупаете для себя?

– Ну, не совсем.

– Позвольте, я иначе задам вопрос. Вы покупаете для близкого человека, важного для вас или просто кому-то в подарок?

– Для близкого.

– Очень хорошо. Тогда я посоветую вам вот эту. – Он извлек откуда-то снизу потертый футляр и, открыв его, вынул гитару, не очень новую, но даже Ташу стало понятно, что делал ее хороший мастер. Качество и изящество работы были видны невооруженным глазом.

– У нее есть душа, господин Таш, вот послушайте. – Он провел пальцами по струнам. Гитара издала мягкий переливчатый звук. – Это только для вас, господин Таш, только для вас. Потому что вы человек, господин Таш. Вы оцените.

Таш протянул руку и дотронулся до гитары. На какой-то момент она показалась ему живым существом. Он осторожно погладил деку, провел ладонью по струнам.

– Я беру, – сказал он. – Только заверни получше, я отправлю ее домой с мальчишкой.

– Я заверну, заверну, – забормотал Редул, заворачивая футляр в холст. – Но знаете ли, мальчишки – такой ненадежный народ. Как бы чего не вышло! – Он с надеждой посмотрел на Таша.

– Не переживай, Редул. Хочешь, я велю ему зайти к тебе после того, как он ее отнесет, чтобы ты знал, что все в порядке?

– О, пожалуйста, господин Таш! Я места себе не найду, если не буду знать, как она добралась до дома!

Таш открыл двери лавки и позвал Вьюна, которого ранее оставил на улице, опасаясь за хрупкие инструменты Редула, а также за его нервы. Тот мигом соскочил с соседского забора, с которого дразнил соседскую же собаку. Войдя в лавку, он восторженно заозирался.

– Ну, ничего себе! – Он протянул руку к одной из арф.

– Так, руками ничего не трогать! – прикрикнул Таш. Тот быстро отдернул руку. – Ты знаешь, где я живу?

– Да кто же этого не знает? – искренне удивился Вьюн.

– Отнесешь эту вещь ко мне домой. Отдашь Арилике. Скажешь – подарок. Все понял?

– Да.

– погоди. После того, как отнесешь, придешь сюда и расскажешь господину Редулу, как все прошло, он за эту вещь беспокоится. Потом придешь ко мне и расскажешь то же самое. Ясно?

– Да, Таш. – У Редула округлились глаза от удивления от такого неуважения мальчишки к возрасту и положению Таша. Но что поделать, церемоний между собой изгой не терпели. Вьюн схватил ящик. – Можно идти?

– Иди, только учти, если ты хотя бы поцарапаешь этот ящик, я выдерну тебе ноги. И ты станешь самым медленным вором в городе. – Последнюю фразу Таш произнес зловещим шепотом.

У пацана от ужаса глаза выкатились из орбит, потому что всем было известно: Таш всегда делает то, что говорит. Из всех сил прижав к себе драгоценную ношу, он выбежал из лавки. Таш улыбнулся.

– Не слишком ли сурово вы с ним, господин Таш?

– Не слишком, а то может забыть, зачем послали.

Таш расплатился с Редулом, выложив за гитару приличную сумму золотом, причем Редул божился, что отдает за то, за что взял, и отдает вообще только из уважения к господину Ташу. Таш накинул за преданность еще несколько монет и распрощался. Он и так потерял много времени.

Верховный жрец Тито-с смотрел в окно своего кабинета. Взгляд его невидяще скользил по макушкам деревьев, которые летом старательно закрывали собой почти весь монастырский двор. Сейчас, поздней осенью, их оголившиеся ветки не способны были спрятать конюшни, амбары, кузницы и т. д., а также суетящихся вокруг них монахов в черных одеяниях и послушников в серых.

Тито-с отвернулся от окна и, подобрав полы своего черного облачения, сшитого из тонкого шерстяного сукна, привезенного из Саварнии и стоящего бешеных денег, вернулся к письменному столу. Сегодня у него была назначена встреча с одним человеком, и одна мысль об этом лишала жреца его тщательно лелеемого внутреннего равновесия. С самого утра он не в состоянии был заняться чем-либо путным, кроме бесцельного разглядывания монастырских построек. Время подходило, и чем меньше его оставалось, тем крупнее становилась дрожь, которая пробирала верховного жреца Ольрийского храма Всевеликой богини.

Занятый своими попытками привести себя в нормальное состояние, он пропустил момент, когда в центре комнаты возникло пепельно-серебристое облако. От его мерцания

по кабинету заскользили радужные блики, и только тогда Тито-с, наконец-то заметив его, поспешно опустился на колени. Из облака вышел высокий мужчина в таком же одеянии, как и у Тито-са, но только белом, причем внешность этого человека была весьма примечательна. Длинное горбоносое лицо, какие на материке встречается только в Тушере, коротко стриженные русые волосы, небольшие, глубоко посаженные серые глаза с острым недобрым взглядом, сверкающие, в буквальном смысле этого слова, из-под густых бровей. Глядя в эти глаза, становилось понятно, почему так нервничал Тито-с перед встречей. Рот с тонкими, плотно сжатыми губами тоже не добавлял приятности этому лицу.

– Да благословит тебя богиня, Тито-с! – холодно поприветствовал посетитель колено-преклоненного жреца.

– Да пребудет она всегда рядом с нами, ваша светлость! – отозвался тот.

Его светлость кивнул и прошел к креслу, стоящему у письменного стола. Тито-с встал с пола и, пряча руки в широких рукавах, чтобы скрыть от гостя дрожь, осторожно сел напротив.

– Итак, Тито-с, рассказывай. Только быстро, у меня мало времени.

Тот, бросив затравленный взгляд на мужчину в белом, заговорил, запинаясь время от времени.

– Ваша светлость, у меня пока, к сожалению, нечем вас порадовать.

– То есть она жива.

– Да, пока да.

– Что вы предпринимаете?

– Стараемся действовать осторожно, как вы и велели. Присматриваемся, принимаем. После того, как ее купил этот преступник, мы некоторое время выжидали, надеясь, что все решится само собой, но этого не произошло. К сожалению. После этого я отдал приказ попытаться использовать яд. Очень осторожно, через третьи руки.

Его светлость слегка поморщился.

– Это бесполезно. Она никогда не возьмет в рот отравленную еду, я сам ее этому учил.

Тито-с побледнел, но усилием воли взял себя в руки.

– Вот как? Но вы же сказали, что она все забыла!?

– Разумеется, забыла! – раздраженно проговорил гость. – Но не до такой же степени! Эти знания у нее на уровне инстинктов. За кого вы меня принимаете?

– О, вы, несомненно, самый выдающийся учитель из всех, ваша светлость, в этом нет никаких сомнений! – поспешно воскликнул верховный жрец. – Это моя вина, я просто не подумал, что такое может быть!

– Ну так теперь думайте! – одернул его гость. – Я предупреждал вас, что она очень опасное существо, так что будьте добры это учитывать!

– Да, да, ваша светлость, теперь, разумеется! Но вот что мне пришло в голову. Если она не сама съест отраву, а кто-то из ее домашних, то у нее в любом случае возникнут неприятности, не так ли? Ладно, если отравится изгой, за него ей ничего не сделают, а вот за служанку ее могут посадить в тюрьму, хотя бы на время, а там с ней гораздо проще будет работать!

– Да, это идея, – задумчиво проговорил белый жрец. – Хотя все это весьма сомнительно. Скажите, а этот изгой, что он собой представляет?

– А, – взмахнул рукой Тито-с, – обычная скотина, только жестокая сверх меры и не такая тупая, как все остальные. Он и его поделщики подмяли под себя весь город за последние два года.

– Да? – удивился гость. – А почему же вы не примете меры?

– Помилуйте, зачем же? – тонко улыбнулся верховный жрец. – Благодаря им люди узнали, что такое настоящий страх. Страх, от которого нужно просить защиты у Всевеликой.

А что касается этих бандитов, то не так страшен змей, как его рисуют на задней стене храма! Они действуют осторожно, и вокруг них больше ужасных слухов, чем ужасных дел.

– Значит, действительно не глупы, – сделал вывод белый. – И, скорее всего, этот изгой уже у нее под каблуком. Вы ведь пытались выкупить ее у него?

– Да, ваша светлость. Он отказался наотрез. Может, встретиться с ним еще раз? Предложить побольше, да и вообще... поговорить?

– Нет, даже не думайте! – резко возразил гость. – Кто знает, в какие игры она с ним играет! Возможно, мы сами подтолкнем его туда, куда не надо!

– А она точно с ним играет? Она же всего лишь рабыня! – В голове Тито-са это не укладывалось.

– Ведь вы же сами сказали мне, что он заботится о ней и хочет дать ей свободу! – Его светлость посмотрел на верховного жреца как на идиота. – Вы же видели ее? Как по-вашему, какой мужчина, если он в здравом уме, сможет добровольно от нее отказаться?

– Вы правы, ваша светлость, никакой, – несколько поник черный жрец.

Белый пару секунд с подозрением смотрел на него.

– Дорогой Тито-с, я надеюсь, вы не снимали амулет, чтобы, так сказать, на своей шкуре ощутить действие ее чар?

Тито-с похолодел под этим взглядом.

– Нет, нет, что вы, ваша светлость, даже не думал! Вы же предупредили, что этого ни в коем случае нельзя делать!

– Вот и не делайте! – отрезал белый. – И, поверьте мне, любопытство в данном случае совершенно неуместно! Вы и не заметите, как окажетесь по уши в дерьме, я знаю, о чем говорю! Я сам накладывал на нее эти чары. Впрочем, – он откинулся на спинку кресла и холодно посмотрел на черного, – если вы уверены, что ваших сил будет достаточно для того, чтобы снять их, можете рискнуть и узнать, *что* может почувствовать мужчина по отношению к этой женщине.

– Что вы, ваша светлость, я никогда... – пробормотал Тито-с и подавленно замолчал, поняв, что оправдывается, как нашкодивший подросток.

– Ну хорошо, не будем больше об этом, – примиряющее проговорил белый. – В целом у меня нет к вам претензий, в основном вы действуете правильно. Лучше расскажите мне, как она вообще живет? Довольна ли своей жизнью, а если нет, то что ее не устраивает?

– Трудно сказать, – Тито-с начал говорить с заметным усилием, – со стороны кажется, что у нее все хорошо. Не сказать, что ее кто-то обижает или что-то в этом роде. Спокойная, почти деревенская, размеренная жизнь. Правда, в последние две недели она стала больше общаться с молодежью. Ее хозяин хочет, чтобы она нашла себе кого-нибудь и вышла замуж. Она подчиняется, но, по-видимому, ей не особенно это нравится. Хотя у нее море поклонников. Местные барышни сходят с ума от зависти.

– Неудивительно! – хмыкнул его светлость. – Еще бы у нее не было моря поклонников! А ведь это можно использовать. Найдите подходящую барышню, можно не одну, и внушите ей мысль о том, как извести соперницу. Кроме того, я абсолютно уверен, что наша подопечная не пойдет замуж даже под пытками. Разве что из благодарности к своему хозяину, она всегда была чересчур сентиментальной. Должен вас огорчить, но у нее за те годы, что она находится под моим заклятием, выработалось стойкое отвращение к представителям мужского пола. Я бы его, конечно, убрал со временем, оно бы мешало ее работе, но... не сложилось. Так что это нужно учитывать. Я полагаю, что мы должны посодействовать ее хозяину и подобрать ей в мужа жесткого парня, который не станет с ней церемониться в случае чего. Тогда она непременно начнет делать глупости, и у нас появится возможность для маневра.

– Прекрасная мысль! – одобрил Тито-с, по-собачьи преданно заглядывая в глаза его светлости.

– Ну что ж, в таком случае выполняйте! – Белый встал и небрежным взмахом руки повесил портал.

– Ваша светлость! – окликнул белого Тито-с. – А может, все-таки попробовать проклятие?

Белый обернулся и несколько секунд презрительно разглядывал ольрийского верховного жреца.

– Ну что ж, попробуйте, дорогой Тито-с, попробуйте! – как-то слишком ласково, так, как обычно говорят доктора со смертельно больными пациентами, проговорил его светлость. – Отчего же не попробовать? Только мой вам совет: не отправляйте на это задание никаких хоть мало-мальски полезных сотрудников!

С этими словами он сделал шаг и исчез в тумане портала.

Верховный жрец с облегчением выдохнул и сполз с кресла на пол, потому что одревеневшие во время разговора мышцы требовали немедленного расслабления. Руки его по-прежнему не слушались и тряслись мелкой дрожью.

Как того и следовало ожидать, Вьюн вполне благополучно доставил подарок туда, куда было велено. Дверь открыла Лика и очень удивилась, увидев Вьюна.

– Мне нужна госпожа Арилика, – заявил он.

– Это я Арилика, только я не госпожа. Я рабыня господина Таша.

Если Вьюн и удивился, то виду не подал.

– Ну это не важно. Таш велел мне отдать тебе вот это и сказать, что это подарок тебе от него. Вот.

Лика взяла у него замотанный в холст футляр, недоумевая, что это может быть. Вьюн повернулся, чтобы бежать обратно.

– Эй, подожди! – окликнула его она. – Ты есть хочешь?

Вьюн хотел есть всегда. Лика привела его на кухню и отдала в заботливые руки Дорминды. Та, заохав над его худобой, выставила перед ним столько еды, что оставалось только надеяться, что Вьюн умеет есть как верблюд, про запас. Лика же, размотав холст, не могла поверить своим глазам.

– Дорминда, ты только посмотри! – закричала она так, что впечатлительная Дорминда схватилась за сердце.

– Лика, деточка, да что ты так кричишь? – держа руку на груди, спросила она. – Так и умереть недолго.

– Дорминда, это же гитара! Таш подарил мне гитару! Смотри, какая красивая! – Она обнимала гитару, гладила и даже целовала ее. Дорминда с грустью посмотрела на нее.

– Где же это видано, чтобы господа рабам подарки делали? – заворчала она себе под нос.

– А ты умеешь играть, Арилика? – с набитым ртом спросил Вьюн. – Сыграй что-нибудь, а?

Лика, на которую ворчание Дорминды не произвело никакого впечатления, радостно блестя глазами, села на стул и запела все ту же песню про садовника и княжну. Когда она закончила, Дорминда вытирала фартуком слезы, а Вьюн так и застыл с раскрытым ртом, забыв прожевать то, что он туда положил.

Немного погодя Вьюн, накормленный и снабженный увесистым узелком с едой на дорогу, отбыл восвояси, а Дорминда начала петь Лике все песни, которые знала. Так что к вечеру репертуар Лики увеличился на несколько красивых старинных баллад.

Как и велел Таш, Вьюн первым делом побежал к Редулу. Быстро сообщив ему, что все в порядке, он побежал во двор Самконга. Таша он застал на тренировочной площадке в тот момент, когда Самконг, пыхтя и отдуваясь, пытался сломать ему спину. Сделать это Таш

ему, конечно, не дал, а совсем наоборот, сам уселся на него верхом. Они встали, потные и запыхавшиеся, похлопали друг друга по плечам, посмеялись и пошли мыться. Тут-то Вьюн и отозвал Таша. Тот наклонился к нему и Вьюн быстро-быстро зашептал:

– Все сделал, Таш!

– Ну и как она, обрадовалась? – не выдержал Таш.

– У, не то слово! Как закричит: «Ой, мне господин Таш гитару подарил!» Дорминду чуть удар не хватил! А она как начала ее обнимать, как дите, честное слово. А потом спела нам про садовника, я прям чуть не зарыдал, а Дорминда так давай слезами обливаться! Ох и девка у тебя, Таш, и сама на небесную деву похожа, и поет – ну чисто соловей! – закончил Вьюн уже во весь голос. Самконг, и так ненавязчиво подошедший поближе, услышал последнюю фразу целиком. Таш достал было два медяка:

– Ну, Вьюн, держи за труды!

Но Вьюн, уже убегая, прокричал:

– Не надо, мне уже заплатили! – И помахал узелком с едой.

– Похоже, от твоей рабыни все мужики без ума, что старики, что пацаны! Что же ты не сказал, что она у тебя еще и поет как соловей? – Самконг со смехом хлопнул Таша по плечу. – Опять напроситься к тебе в гости, что ли?

– Ну, попробуй, если здоровья не жалко! – усмехнулся Таш. Рассказ Вьюна вернул ему хорошее настроение.

– А, змей, на такое дело не жалко!

Лика, как и обещала, принесла гитару Тибуна вечером, когда все снова собрались у Неи. Она немного опоздала, потому что из-за приснившегося ночью кошмара встала поздно и с головной болью. Дорминда добавила ей мучений, устроив очередной допрос с пристрастием, после которого Лика почувствовала себя лягушкой, по которой проехало тележное колесо. Наконец Дорминда, не найдя в ее ответах и поведении ничего предосудительного, отстала, и Лика принялась за свою обычную работу. Едва она успела закончить, как в дверь постучала Нета.

Когда они пришли, во флигеле вовсю играла музыка, и пары выстроились в ряд на любимый танец местной молодежи под названием «курочка». Лика заметила Тибуна, стоявшего в паре с Неей, и с облегчением перевела дух. Она протиснулась в самый дальний от танцующих угол и села на лавку у стены, пристроив гитару у себя за спиной. Нета, серой тенью проскользнув за ней следом, тихо присела рядом.

– Смотри-ка, как твой Тибун козликом скачет! – неожиданно обратилась к Лике девушка, сидевшая справа.

Лика повернулась к говорившей. Девушка была ей незнакома, но сразу понравилась прямым взглядом черных глаз и открытой белозубой улыбкой. Мельком глянув на танцующего Тибуна, Лика невольно хихикнула. Он и правда высоко вскидывал ноги. Наверное, думал, что так красивее. Впрочем, судя по тому, как смотрели на него барышни, всем нравилось.

– Он не мой!

– Да? – удивилась девушка. – А он всем говорит, что ты его, а он твой!

– Это неправда! – вспыхнула Лика.

– Эй, да ладно тебе! – успокаивающе подняла руку смуглянка. – Не твой, и богиня с ним. Меня Пила зовут, я дочь зеленщика Возгона. А как твое имя?

– Арилика, – отозвалась Лика, слегка смутившаяся от собственной вспышки. – А мою подругу зовут Нета.

– Ну, ее-то я знаю, а вот тебя в первый раз вижу. И имя у тебя странное.

– Я недавно здесь. А имя не странное, оно грандарское. – Лика уже привыкла к тому, что все сразу начинают обсуждать ее имя.

– Грандарское? – удивилась Пила. – Ты что, из Грандара? Извини, но что-то непохоже.

– Нет, это мой хозяин из Грандара. Он меня так назвал.

– Что? У тебя хозяин – настоящий грандарец? – Она уставилась на Лику с интересом и даже некоторым восхищением. – Вот бы посмотреть на него!

Лике стало смешно.

– Ну так приходи и смотри, если не боишься! А то вон Нета шарахается от него, как монах от искушения.

– Ты меня с Нетой не сравнивай! Она, по-моему, даже мух боится. Но если не шутишь, то я и правда приду как-нибудь. Кстати, как тебя называть? Лика, Рила или еще как-нибудь?

Лика пожала плечами.

– Не знаю, зови как хочешь. Хозяин зовет меня по-грандарски Рил, Дорминда и остальные по-ольрийски – Лика.

– Ну, тогда и я буду по-ольрийски. Мы же в Ольрии живем как никак!

– А если бы она жила в Вандее, – неожиданно тоненько пискнула Нета, – то ее бы звали Риола.

– Шутишь? – удивилась Пила. – А меня тогда как, Пиола, что ли? – Нета кивнула. – О богиня, какой ужас! Никогда не поеду в Вандею!

– А тебя, Нета? – полубопытничала Лика.

– Меня? – смутилась та. – Неота. Неотанна, вообще-то.

– Ну ничего себе! Нет, ну рога тебе в бок, Нета, да ты у нас, оказывается, не кто-нибудь, а Неотанна! Прямо королева какая-то, только мух боишься!

Над Нетой часто подшучивали, по-доброму и не очень, и она уже привыкла в ответ замыкаться в себе, выдавливая фальшивые улыбки. Но грубоватая с виду шутка Пилы неожиданно показалась смешной, и она вдруг прыснула в кулачок, чем еще больше разве-селила Пилу и Лику.

– Вот что, подруги, – отсмеявшись, скомандовала Пила, – пошли-ка лучше воздухом подышим, а то что-то жарко здесь стало.

Танцы действительно продолжались, и все больше юношей и девушек становилось в пары, собираясь принять в них участие. Лика, обрадованная тем, что может сбежать сегодня пораньше, быстро всучила гитару Тибуна кому-то из знакомых с наказом непременно передать и поспешила за Пилой и Нетой, которые уже пробирались к выходу.

Выйдя на улицу, Лика с наслаждением вдохнула свежий морозный воздух, в котором уже явно ощущалась зима, и набросила на голову отделанный мехом капюшон.

– Слава богине!

Пила невольно улыбнулась.

– Лика, у тебя такой вид, как будто ты из пекла выбралась!

– А Лика вообще не любит сюда ходить! – тут же наябедничала Нета. – И еще она парней боится!

– Здрасьте! – подняла густые черные брови Пила. – Это еще почему?

– Да неважно. Просто так. Не нравится никто.

– Ну и богиня с ними! – не стала настаивать Пила. – Так что, пошли гулять?

Прогулка затянулась по меньшей мере часа на два, и за это время Лике ни разу не пришлось пожалеть о том, что она согласилась пройтись. Пила была тем редким человеком, с которым можно было чувствовать себя по-настоящему свободной. Это поняла даже Нета и вдруг раскрылась с неожиданной для всех стороны, начав рассказывать какие-то истории из своей вандейской жизни. А потом вдруг расплакалась, вспомнив родителей.

Утешая ее, Пила вспомнила свою рано умершую мать и, слово за слово, выложила новым подругам все свои проблемы. Оказалось, что отец Пилы недавно женился во второй раз, на вдове, женщине намного моложе себя и всего лишь на пять лет старше Пилы. Поначалу они неплохо ладили, но недавно Тата забеременела, и в семье все чаще стали раздаваться разговоры, что пора Пиле выходить замуж. А именно этого Пила сделать пока не могла, да и не хотела.

– Я же здоровая как корова! – с присущим ей грубоватым юмором рассказывала она. – И характер не дай богиня! Если пошлю кого, мало не покажется! Вот от меня все мужики и шарахаются. А те, которые не шарахаются, больше на мое приданое смотрят, чем на меня. Да и тошнит меня от них, все скользкие да хлипкие какие-то, как жабы!

– Да что ты говоришь, Пила! – от души возмутилась Лика. – Зачем ты на себя наговариваешь? Ты же вон какая! – Она окинула подругу восхищенным взглядом. Пила действительно казалась ей очень красивой. Статная, смуглая, высокая, с густыми черными волосами, водопадом стекающими по плечам из-под традиционной вышитой головной повязки. А грудь у нее была такая, что даже Лика понимала, что это просто мечта любого мужчины. – Ты... необыкновенная! А что характер у тебя прямой, так не всем же хитрые змеюки нравятся! Ты обязательно встретишь того, для кого станешь не просто самой лучшей, а единственной!

Пила молча выслушала пылкую речь подруги, но подшучивать над ней против своего обыкновения не стала.

– Твои бы слова, да богине в уши, подруга! – только и сказала она и перевела разговор на другую тему.

Оказалось, что Пила жила недалеко от Лики и Неты, все в той же Закорючке, только немного ближе к рынку, на который каждое утро выходил торговать ее отец. Дорога от дома Неи заняла у них не более получаса, а все остальное время они простояли у Нетиной калитки, занимаясь любимым делом всех молодых девушек – болтовней. Нета, уже раз десять порывавшаяся уйти, никак не могла этого сделать. Оживленная, со сверкающими в темноте глазами, она хохотала так, как будто хотела насмеяться про запас, как будто чувствовала, что расцвела, как волшебный цветок, только на одну ночь и на завтра собиралась увянуть, вновь превратившись в неприметную серую мышку.

Неожиданно с правой стороны улицы послышался шум. Девушки мгновенно смолкли, прислушиваясь. Мгновением позже стало ясно, что это топот бегущего человека. Пила потянула Лику в тень, но было уже поздно. Их заметили.

Тибун, увидев Лику, резко затормозил и бросился к ней.

– Лика, солнце мое, прости меня!

Она в ужасе уставилась на него и сделала шаг назад. Тогда Тибун со всего маху рухнул перед ней на колени.

– Лика, милая, прости! Я ждал тебя целый вечер, мне только недавно отдали гитару и сказали, что ты была и ушла! Ты обиделась на то, что я танцевал с Неей? Но она сама пригласила меня, не мог же я отказать хозяйке дома!

– Ну что ты, Тибун, встань, пожалуйста, я вовсе не обиделась, танцуй с кем хочешь! – Лика совсем растерялась от такого напора.

– Лика, родная, клянусь, что я теперь всегда буду танцевать только с тобой!

– Лика, не вздумай поверить клятвам этого соблазнителя! – Развлекающаяся от души Пила решила вставить свое веское слово. – Значит, сначала скачет с кем попало, как козел, а потом клянется тут! Не верь!

– Лика! – взвыл Тибун, не давая ей вставить ни слова. – Что мне сделать, чтобы ты мне поверила? Хочешь, я пойду и утоплюсь?

– Сначала прорубь сделай, недотепа! Речка-то уже льдом покрылась! – хмыкнула Пила.

– Или брошусь с самого высокого дерева! – снова возопил Тибун, демонстративно игнорируя Пилу.

За что и был наказан очередным хмыком.

– Ты туда залезь сначала! С твоим-то весом...

Тибун уже хотел пригрозить любимой очередной попыткой суицида в особо жестокой форме, как вдруг калитка, ведущая в Ташев сад, открылась, и оттуда вышел сам Таш. Спокойный и невозмутимый, как всегда.

– Рил, уже поздно, тебе пора домой! – ничего не выражающим голосом сказал он.

Его появление произвело на присутствующих неизгладимое впечатление. Тибун сразу вскочил на ноги, причем было заметно, что он удерживается, чтобы не сбежать. Нета молча растворилась в своем саду, а Пила уставилась на хозяина Лики, как на статую богини в храме.

Лица улыбнулась и сделала шаг вперед.

– Да, конечно.

Потом остановилась, обернулась.

– Господин Таш, позвольте вас познакомить с моей подругой Пилой.

Пила, улыбаясь, подошла и стала рядом с Ликой. Таш внимательно посмотрел на нее и неожиданно улыбнулся в ответ. Легко, озорно и быстро.

– Доброй ночи, Пила!

– Доброй ночи, господин Таш! – без капли смущения отозвалась она. – Вы ведь не прогоните меня, если я приду навестить Лику?

– Нет, конечно. Но сейчас ей пора домой. – Он повернулся к Тибуну, и прищурился. – Я надеюсь, что молодой человек проводит тебя до дома, Пила, и проследит, чтобы с тобой ничего не случилось?

Молодому человеку от Ташева прищура захотелось зарыться под землю, но он все-таки кивнул, отчетливо осознавая при этом, что если с Пилой что-то случится по дороге домой, то ему, скорее всего, не жить.

Таш отвел от него глаза и положил руку Лике на плечо, словно ненароком проведя ладонью по светлым волосам.

– Идем, Рил!

Она кивнула Пиле и вошла в калитку. Ее хозяин направился следом за ней.

Дома Таш попытался было поговорить с Рил, поспрашивать о том парне, что провожал ее, и, что казалось ему намного важнее, о ночном кошмаре, но она так отчаянно зевала, что он пожалел ее и не стал приставать. У нее хватило сил только на то, чтобы пробормотать слова благодарности за подаренную гитару и добрести до своей кровати. Раздевалась она уже в полусонном состоянии, с трудом соображая, где она находится и что делает, движимая только одной мечтой: упасть и заснуть.

К сожалению, выспаться у нее опять не получилось. Среди ночи она снова проснулась от кошмара, но, слава богине, на этот раз обошлось без крика. Ей было невыносимо стыдно за свое поведение прошлой ночью. В конце концов, то, что ей нравится ее хозяин и она доверяет ему, как никому другому, не дает ей право поднимать его криками среди ночи и заставлять сидеть с ней, как с ребенком. Да и причина такова, что не заслуживает доброго слова. Подумаешь, кошмар! Мало ли дурных снов видят люди? Наверное, поэтому, хоть она и проснулась в холодном поту от ужаса, крик так и не вырвался из ее горла. А вполне мог бы, потому что приснилось ей что-то вообще уж несусветное.

Сначала она бродила по длинным запутанным коридорам, которые заканчивались комнатами, выходя из которых опять попадала в коридор, и так до бесконечности. Она все шла и шла, отворяя бессчетное количество дверей, и никак не могла найти выход. Неожиданно она

услышала крик и побежала на него. Открыла очередную дверь и увидела, как разъяренный мужчина в темно-серых доспехах с сумасшедшей яростью полосует ножом молодую темноволосую женщину. Та, еще живая, кричит, захлебываясь своей кровью, текущей из надрезанного горла. Лица зажимает ладонями рот, чтобы тоже не закричать, но слезы горячим потоком начинают бежать из глаз, потому что она понимает, что это погибает ее подруга. Близкая подруга, почти сестра, и она не представляет, как будет жить без нее дальше.

Лица так и проснулась, вся в слезах и зажимая себе рот ладонью. Долго лежала без сна, приходя в себя, и заснула только под утро.

Прospала, конечно же, за что и была наказана тем, что пропустила целый спектакль. Дорминда, как всегда, придя на рассвете, обнаружила в кувшине с молоком, оставленным молочницей, плавающего там дохлого таракана. До глубины души возмущившись подобной неаккуратностью, пожилая служанка отправилась к молочнице вместе с кувшином и устроила скандал на всю Закорючку. У той глотка тоже была что надо, так что молчать она не стала. Расплевались они знатно. Дорминда пообещала, что не то что не станет брать у нее молока, но и мимо ее дома будет ходить пореже, чтобы ненароком не подхватить какую заразу. Та в долгу не осталась, призвала на помощь других закорючинских молочниц, и они все дружно обвинили Дорминду в том, что она сама и подкинула этого таракана, чтобы сбить цену на молоко. В ответ на такую ложь Дорминда поклялась при всем честном народе, что отныне молоко станет покупать только на рынке, а этим лгуныям не даст и ломаного гроша, даже если они у нее на глазах будут умирать с голоду. Они ей ответили, что со своей стороны не дадут ей и глотка молока, если в таком плачевном состоянии окажется она сама. На это Дорминда возражать не стала, и просто ушла, гордо подняв голову.

И с этого дня к обязанностям Лики прибавилось ежеутреннее посещение рынка.

* * *

Пила, как и обещала, пришла в гости после обеда. И на следующий день тоже. А потом еще через день. И еще.

Лица не знала, как Пила, но она сама каждый день от души благодарила обоих богов за то, что послали ей такую подругу. Кроме того, неизвестно, благодарила ли богов Нета, но ей тоже определенно стоило это сделать, потому что никогда еще маленькая вандейка не была такой открытой и веселой, как во время общения с Пилой.

От Пилы Лица узнала гораздо больше о настоящей ольрийской жизни и обычаях, чем от старой Дорминды, и с ней же она в первый раз посетила храм богини Всевеликой на центральной площади Олгена. Храм произвел на Лику самое гнетущее впечатление, еще когда она вместе с пожилой служанкой присутствовала на клеймении, и сейчас она не могла отделаться от ощущения, что огромное тяжелое здание из темного камня наваливается и давит на нее всем своим немалым весом. Напротив храма богини, с левой стороны все той же площади, стоял его брат-близнец – храм Бога-Отца, как яркая иллюстрация необходимости равновесия между мужским и женским началом, хотя народу около него сновало не в пример меньше, чем возле храма богини.

Подруги, разумеется, в первую очередь направились в храм Всевеликой.

Ольрийская религия вызывала в Лице не слишком приятные чувства, но, поскольку она решила попробовать здесь прижиться, то надо было хотя бы попытаться понять ее.

Пила и Нета, оставив Лику в одиночестве, отправились относить к алтарю свои узелки с жертвами, традиционно присоединяемые к молитве о здоровье близких. В жертву можно было принести самые разные фрукты, непременно выращенные своими руками, и вообще любую, приготовленную собственноручно еду. У самой Лики не было ничего своего, даже

белье, которое она носила, принадлежало ее хозяину, и потому она ничего не могла принести в жертву богине. Да от нее этого никто и не требовал. Для кого ей вообще просить здоровья? Для своего изгоя-хозяина, что ли? Самой Лике очень хотелось поставить хотя бы пару свечек с молитвой о его благополучии, но она так и не решилась потратить на это те несколько медяков, которые звякали у нее в кармане. Хотя ее хозяин, оставляя деньги на хозяйство, никогда не требовал отчета ни у нее, ни у Дорминды о том, каким образом они их расходуют, пожилая служанка, несомненно движимая самыми лучшими побуждениями, всегда проверяла расходы Лики до последней полушки, и Лике совсем не улыбалось в очередной раз попасть на допрос с пристрастием.

Поэтому она молча бродила по храму, разглядывая фрески, изображающие деятельность богини, когда она еще жила среди людей, и постепенно увлеклась, потому что это было интересно. На изящно выполненных настенных картинах богиня представала не суровой и мстительной, какой ее представляла себе Лика по рассказам Дорминды и после событий на храмовой площади, а милосердной, любящей и всепрощающей. Сердце Лики уже готово было раскрыться навстречу прекрасному образу, как вдруг она наткнулась на изображение богини с огненным мечом в руках, собирающуюся поразить толпу уродливых существ, напоминающих карикатуры на людей. Они потрясали кулаками в бессильной злобе и заходились беззвучным криком, от которого искажались их и так обезображенные ненавистью лица.

– Што, детошка, никак ижгоев стало жалко? – прошамкал кто-то у нее за спиной.

Лика вздрогнула и обернулась. В двух шагах от нее стояла согнутая старуха, вся в черном, с мерзкой улыбкой на темном морщинистом лице.

– А разве это изгой? – Ей так не хотелось в это верить!

– А кто ж еще, детошка? Ишь как рты-то ражинули, небошь, не охота в решку огненну лежать-то! Ну, нишего, богиня-матушка, заштупница наша, всех их туда мечом жагонит!

На заднем плане фрески действительно была изображена огненная река. Сердце Лики сжалось от боли. Решив, что никогда не поймет эту свигрову религию, она решительно повернулась, чтобы уйти подальше от этой фрески, но бабка с неожиданным для ее возраста проворством схватила Лику за рукав.

– Жалеешь ижгоев, детошка? А шамой не штрашно шреди них оказаться? Ты волошыньки-то прикрой, чтобы не шоблажнить кого ненароком, и крашоту швою шпрячь подальше от греха, а то тебе шамой дорога в ту решку будет!

Она выпустила Ликин рукав и потянулась рукой к ее волосам, причем Лике на мгновение показалось, что рука ее сжимает что-то черное, похожее на кусок свежей грязи. Она отпрыгнула, пытаясь не дать испачкать себя, и сделала отвращающий жест рукой. Старуха, не удержавшись, упала на пол и что-то негромко забормотала под нос. Лика замерла. У нее возникло такое чувство, что ее связали и она не может пошевелиться. Между тем голос бабки становился все громче и зазвучал речитативом, произнося странные, мало связанные между собой по смыслу слова проклятия.

В этот момент к ним подошла Пила, решительно встала между старухой и Ликой и скомандовала:

– А ну пошла от нее, старая ворона!

Бабка зашипела, подняла руку и швырнула в Пилу тот самый кусок грязи, от которого минутой раньше увернулась Лика. Заметив это, Лика, неожиданно для самой себя резко выскочила из-за спины подруги, выставила перед собой обе руки.

– Арр-хэн! – То ли крик, то ли всхлип.

С пальцев сорвалось белое пламя и мгновенно окутало и старуху, и комок грязи, летящий в Пилу. Бабка закатила глаза и повалилась на бок.

Пила схватила Лику за руку и почти бегом понеслась на выход, таща ее за собой.

– Ну ты даешь, подруга! – сказала она, стоя на темных ступенях и пытаясь отдышаться. – Это же надо, саму бабу Крыньку отшить! Что ты ей такого крикнула, что она сразу загнулась? – Лика пожала плечами. – Или ей просто время пришло на тот свет отправляться как раз в тот момент, когда она решила тебя на путь истинный наставить? Слушай, сколько себя помню, она всегда в храме отиралась, и всегда была такая же старая. Я даже представить не могла, что она когда-нибудь сдохнет!

– За что ты ее так не любишь, Пила?

– А за что можно любить вредную и злобную старуху, Лика? – поморщилась Пила. – Она уже всех тут достала, как ее еще не выгнали до сих пор, не понимаю! Но ты мне не ответила. Что ты ей все-таки крикнула?

– Да не знаю я! У меня это не нарочно получилось! Когда я увидела, что она в тебя какую-то гадость бросила, у меня будто крышу снесло! Я что-то сделала, а что – и сама не поняла!

– Гадость бросила? По-моему, она просто так руками размахивала, старая ведьма! – Лика снова дернулась, и Пила поспешила ее успокоить. – Ну ладно, ладно, не переживай! Постой-ка здесь, я за Нетой сбегая, а то она нас там обыскалась, наверное!

Когда к верховному жрецу Центрального ольрийского храма Всевеликой богини пришел неизвестный бритоголовый человек в потертой одежде, его секретарь, молодой монах, недавно занявший эту должность, очень удивился. Но еще больше он удивился, когда его господин, пришедший после визита странного гостя в возбужденное состояние, абсолютно не соответствующее нормам поведения священнослужителей, обязанных в любом случае сохранять безмятежность, приказал доставить к нему храмовое пугало: старуху по прозвищу Крынька. Приведя еле доковылявшую до кабинета верховного жреца безобразную старуху, которая всю дорогу только и делала, что осыпала и его, и верховного жреца проклятиями, секретарь перевел дух, но, как выяснилось, ненадолго. Разговор его господина с Крынькой не затянулся, и секретарю пришлось вести ее обратно. На его счастье, старуха на этот раз выглядела довольной и осыпать его проклятиями не стала. С чем это было связано, ему так и не довелось узнать, потому что этим же вечером он, поднимаясь по лестнице, оступился, упал и, ударившись головой о неизвестно откуда взявшийся в здании монастыря камень, умер. Впрочем, даже если бы он и остался жив, незначительность его должности вряд ли позволила бы ему до конца разобраться в происходящем, все хитросплетения которого были известны только верховному жрецу.

* * *

Когда Багин доложил Тито-су о том, что их подопечная намеревается посетить храм Всевеликой, тот сначала подумал, что, наконец-то, ему улыбнулась удача. Он позвал храмовую ведьму, которая уже много лет верой и правдой служила делу укрепления веры среди местного населения, и дал ей четкие указания насчет молоденькой блондинки, которую сложно было с кем-либо перепутать. В том, что старуха справится, Тито-с не сомневался, несмотря на все насмешки его светлости. Потому что каждое ее проклятие было шедевром магического искусства, снять которое было под силу только самым сильным монастырским магам, да и то примерно раз в полгода ведьма в порыве вдохновения выдавала нечто настолько заковыристое, что даже они опускали руки. Простым же людям оставалось только собирать деньги на мага и молиться пресветлой, чтобы не оставила своей милостью. И то и другое было в равной степени полезным для храма, и поэтому старую ведьму как могли берегли, холили и лелеяли, выплачивали ей солидное содержание и временами баловали разного рода подарками.

Когда же Тито-су доложили о смерти Крыньки, он сначала попросту не поверил. Потом подумал, что эта смерть наступила от естественных причин, а точнее, от старости. В то, что в этом повинна молоденькая, потерявшая память девчонка, с которой Крынька разговаривала перед смертью, он верить не хотел и, как страус, прятал голову в песок до тех пор, пока монастырские маги четко и однозначно не назвали ему причину смерти храмовой ведьмы. По их мнению, это было силовое магическое воздействие пятой степени, причем белое, и вот после этой новости верховному жрецу стало по-настоящему плохо.

Глава 5

Пришла зима, вьюжная и снежная, как и все зимы на севере Ольрии. Долгая череда предзимних праздников, традиционно отмечаемая в Ольрии еще с языческих времен, уже закончилась, и веселая праздничная кутерьма, закружившая Лику в эти дни, канула в лету.

Права была Нея, когда делала ставку на светловолосую рабыню смертельно опасного изгоя. Парни крутились вокруг нее постоянно, но, натываясь на холодное равнодушие и плохо скрываемое отвращение, были вынуждены обращать внимание на окружающих ее менее привередливых девушек. И у Неи, и у Дары появилось столько поклонников, что они должны были носить Лику на руках, если бы их одновременно с благодарностью не душила черная зависть. Только Тибун по-прежнему хранил верность Лике, хотя после памятного знакомства с ее хозяином стал вести себя значительно сдержаннее.

Пилу молодые люди тоже не обходили своим вниманием, но смириться с ее характером был способен далеко не каждый. Сама Пила тоже была не склонна идти на компромисс, ей нужен был сильный, надежный и умный мужчина, с которым она могла бы быть на равных, а остальные могли не беспокоиться.

И наконец-то кое-кто из парней заметил Нету, но ее застенчивость, как всегда, помешала ей отреагировать должным образом, и их внимание стало носить оттенок насмешливой снисходительности.

Однажды Лика пришла с посиделок намного позже обычного, и Таш, который по-прежнему дожидался ее каждый вечер, решил выйти и поинтересоваться, что же случилось. Но она разговаривать не пожелала, отвечала на его вопросы неохотно и при этом прятала от него правую руку, замотанную носовым платком. Вскоре она, извинившись, ушла в свою комнату. Таш посидел несколько минут в одиночестве и, выругавшись, пошел за ней. Ему не хотелось давить на нее, но ситуацию следовало прояснить немедленно.

Он подошел к ее комнате и прислушался. За дверью было тихо, наверное, она уже легла. Таш негромко постучал и распахнул дверь. Она сидела на своей кровати и подняла голову, когда он вошел. Таш взял стул, сел напротив нее и сказал:

– Рассказывай.

Она попыталась сопротивляться. Делано пожала плечами и натянуто улыбнулась.

– Что именно?

– Не валяй дурака! Ты знаешь, о чем я. – Таш кивнул на ее руку.

Рил с безнадежным видом отвернулась от него и начала рассказывать.

– Понимаете, там, на посиделках, один парень есть...

– Как зовут?

– Вача Длинный.

– Ну, знаю, дальше.

– Вы же знаете, что я с Нетой туда хожу. Раньше я с ней все время рядом была, а теперь вокруг меня постоянно Тибун крутится, то на танец пригласит, то с гитарой привяжется. В общем, с недавних пор этот Вача начал к Нете приставать. При всех, представляете? То ущипнет, то зажмет ее в углу. А она же безответная! Она ему слова сказать не может, и меня рядом нет. Ее обычно Пила защищала, а сегодня... – Арилика чуть помолчала, а потом повернулась к нему и решительно продолжила: – А сегодня Пила почему-то не пришла, а меня задержали, и я думаю, что нарочно. Но у них ничего не вышло, я не осталась и не стала ждать Тибуна, чтобы он меня проводил. Пошла одна. А когда стала подходить к дому, смотрю, у Нетино дома кто-то возится. Я остановилась, прислушалась – вроде как голос Неты. Подошла посмотреть, и вижу, что этот... – Рил остановилась, чтобы не выругаться. –

Это ничтожество... Он прижал ее к забору, расстегнул на ней платье и лапает ее. А она даже не кричит, только поскуливает, как щенок. Если бы не я, он бы ее, наверное...

– А ты что?

– А я, – тут Рил немного смутилась, – я не знаю, как это у меня получилось, но я сломала ему нос. По-моему. А еще дала ему в глаз и... ну, в общем, между ног. Вот. Нета убежала, а он сказал, что если бы я не была твоей рабыней, то он бы меня убил.

– А ты?

– А я сказала, что пусть радуется, что я не убила его.

Таш не знал, злиться ему или смеяться над ее рассказом. Этот Вача работал на Крока и был парнем с характером. Интересно, как он переживет то, что девка набила ему морду? И вообще, как это у нее получилось?

– Покажи руку! – потребовал он.

Рил развязала платок и протянула ему руку. Таш взял ее, и недоумение его только усилилось. Маленькая узкая ладонь, тонкое запястье, длинные нежные пальцы – как *этим* можно было сломать кому-то нос или дать в глаз? Тем не менее кожа на пальцах была стесана почти до кости, а сами пальцы уже начали распухать. Таш не стал ломать голову над тем, действительно она это сделала или нет, завтра и так все станет ясно, а пошел за мазью и бинтами. Надо было обработать рану.

На следующий день он пошел к Ваче в гости. Вача был из местных, изгоем не был, и жил с родителями. Такую профессию он выбрал себе сам, никакой необходимости у него в этом не было. Он вполне мог бы жить честно, зарабатывать себе на жизнь, плотничая, как его отец, но не захотел. Его родители все еще надеялись, что он одумается, и не прогоняли его. А значит, его пока принимали и все остальные, несмотря на его занятие.

Дверь Ташу открыл сам Вача, и, глядя на него, Ташу захотелось засмеяться, потому что выглядел он как после хорошей драки. Его нос действительно был сломан, или Таш ничего не понимал в сломанных носах, а под правым глазом красовался роскошный синяк. При виде Таша Вача, несмотря на свою уже ставшую притчей во языцех наглость, несколько смутился. Таш же спокойно прошел мимо него в дом, и Ваче ничего не оставалось, как последовать за ним. Его родителей дома не оказалось, но это было к лучшему: можно было не церемониться. Таш по-хозяйски уселся за стол в горнице и очень спокойно спросил:

– Это кто тебя так?

Наглость тут же дала о себе знать.

– А кому какое дело? – ошетинился Вача, усаживаясь напротив Таша.

– Мне есть дело, раз спрашиваю.

– Я ее не трогал! Не знаю, что она там тебе наплела!

– А я в этом не уверен. – Голос Таша по-прежнему ничего не выражал, и тем не менее Вача начал оправдываться.

– Она сама в мои дела влезла! Подумаешь, пощупал ее подружку. Ничего бы я ей не сделал! – Чем дальше, тем сильнее Вача заводился. – А она накинута на меня, как сумасшедшая! Да если бы она не была твоей рабыней, я бы ее прибил! Тебе ее надо на цепи держать, чтобы на людей не бросалась!

После этих слов Вача вместе с табуреткой отлетел к противоположной стене и рухнул на пол. Таш подошел к нему, парень был в сознании и попытался уползти, но Таш не стал его добивать. Только наклонился к нему и сказал:

– Еще раз увижу в Закорючке – прибью.

И ушел. И если он еще хоть что-то знал о своих собственных ударах, то у Вачи теперь, вдобавок ко всему прочему, была сломана еще и челюсть.

За этим, в сущности, не столько значимым, сколько неприятным, по мнению Лики, инцидентом последовали события, которых она при всем желании не смогла бы предвидеть в тот момент, когда ломала Ваче нос. А если бы смогла, то сделала бы все что угодно, только бы исправить то, что она, по недомыслию, натворила.

Прибежавшая домой вся в слезах и в разорванном платье Нета, конечно же, была вынуждена рассказать обо всем, что произошло, своим хозяевам. И они, люди очень пожилые, сделали из этого свои выводы. Они решили, что Нету необходимо как можно скорее выдать замуж, пока не пошли сплетни, иначе ее шансы на семейную жизнь становились совсем призрачными.

И с оханьем, стенаниями и плачем они отдали ее какому-то дальнему родственнику своих знакомых, который согласился ее взять, позарившись на небольшое приданое, выделенное ей сердобольными хозяевами.

Лика вместе с Пилой присутствовала на венчании, и была не в состоянии удержать злые слезы, безостановочно катившиеся из ее глаз. Своей обострившейся в последнее время из-за чувства вины интуицией она ощущала, что муж Неты не то что не любит ее, она вызывает в нем отвращение, и перед глазами Лики вставали картины такой семейной жизни маленькой вандейки, что волосы вставали дыбом. И, похоже, не у нее одной.

Мрачно молчавшая во время церемонии Пила, как только они вышли из храма, вынесла свой вердикт:

– Да, не повезло нашей королеве с мужиком! А ты еще удивляешься, почему я не хочу замуж! – Хотя уж кто-кто, а Лика этому совершенно не удивлялась.

Молодые зажили в маленьком домике, который Кивену (так звали мужа Неты) помогли купить родственники, и который они обставили на приданое Неты. Какое-то время они обживались, а потом молодой муж устроился в лавку приказчиком, и Нета стала приходить в гости к прежним хозяевам и, разумеется, к Лике. На вопросы подруги о том, как она живет, Нета неизменно отвечала, что хорошо, но вид у нее при этом был такой несчастный, что даже Пила не решалась выпрашивать подробности и уж тем более подшучивать.

Как-то, спустя недели три после свадьбы, Нета не показывалась у Лики три дня подряд, и подруги забеспокоились. Отпросившись у Дорминды, они пошли навестить свою замужнюю подругу, и, как только она открыла им дверь, поняли, почему она не приходила.

Лицо Неты представляло из себя сплошной синяк, на шее красовались следы от пальцев, а левое запястье было замотано тряпкой. Под сочувствующими взглядами подруг Нета совсем смутилась и забормотала что-то о том, как она поскользнулась и упала. А также о том, что им лучше уйти, потому что Кивен скоро придет обедать. Пила, не считая нужным возражать избитой подруге, просто молча отодвинула ее от двери и прошла в дом. Лика не менее решительно последовала за ней.

Усевшись за кухонным столом, Пила потребовала:

– Ну, давай рассказывай, что тут у тебя творится!

Нета, не зная куда девать разукрашенное лицо, горячо заговорила о том, что это она сама виновата, что хозяйка из нее никудышная и т. д. Пила подняла руку, останавливая этот поток.

– Так, с чего ты взяла, что ты плохая хозяйка? Мне Лика уже все уши прожужжала, что у тебя все получается лучше, чем у нее, и что она никогда не научится делать женскую работу так, как ты! Что конкретно *настолько* не устроило твоего мужа?

Нета мучительно покраснела сквозь синяки.

– Суп.

– Так. А еще?

После этого вопроса Нета вообще опустила голову и замолчала.

Тут хлопнула входная дверь, и из прихожей послышался шум. Нета, встрепенувшись, резко сорвалась с места и бросилась туда.

– Что ты там копаешься, дрянь? – прозвучал недовольный голос Кивена. – А ну-ка, помоги сапоги снять! Да чего ты возишься, дура бестолковая! – Звук удара и грохот упавшего ведра.

Через пару секунд он вошел на кухню и замер, с неудовольствием глядя на сидящих там девушек.

– А вы что здесь забыли, барышни? – холодно поинтересовался он, даже не поздоровавшись. – Нета теперь замужняя женщина, ей некогда с вами ласы точить. Так что ступайте-ка вы отсюда подобру-поздорову, нечего ее с пути истинного сбивать!

Пила, чье ольрийское воспитание не позволяло ей вмешиваться в супружеские отношения, встала и молча направилась к выходу. Но, как выяснилось минутой позднее, Лике, обычно мягкой и всеми способами избегающей конфликтов Лике, глубоко плевать на все ольрийские обычаи вместе взятые. Она взяла со стола нож, медленно встала и подошла к Кивену почти вплотную.

– Если ты еще раз, сука, хоть пальцем ее тронешь, я тебя порежу!

Пила и Нета, не ожидавшие от нее ничего подобного, остолбенели, а Кивен презрительно хмыкнул:

– Ты, пигалица? – Он оглядел ее с высоты своего роста. – Если бы не твой хозяин, я прибил бы тебя прямо здесь, и ничего бы мне за это не было!

Вообще-то Лике в тот момент и в голову не пришло прикрываться Ташем, но после того, как Кивен сам напомнил о нем, она решила не стесняться.

– А если я ему нажалуюсь, от тебя мокрого места не останется!

Кивен ухмыльнулся и сплюнул на чисто вымытый пол.

– Да ничего он мне не сделает! Никто не будет встревать между мужем и женой, цыпа!

Лика подняла на него такой бешеный взгляд, что Пила, быстро сообразив, что дело пахнет керосином, схватила свою чрезмерно агрессивную подругу за рукав и с силой потянула вон из дома.

К счастью, Дорминда уже ушла, когда они вернулись, потому что Пиле совсем не улыбалось объяснять ей, почему Лика находится в таком... неуравновешенном состоянии. Сама Пила тоже была далека от спокойствия, и потому решила, что им обоим не помешает выпить чего-нибудь... расслабляющего. Она по-хозяйски прошла на кухню, немного покопалась на полках и с довольным возгласом выудила оттуда большую бутылку с вином. Налив два полных стакана, она протянула один Лике, нервно нарезающей по кухне круги. Та залпом, не глядя и не чувствуя вкуса, выпила и наконец-то бросила свое бесполезное занятие, усевшись за стол напротив Пилы.

– Пила, скажи мне, ей правда никак нельзя помочь?

Ответ Пилы был кратким и очень емким.

– Нет.

– И даже Таш ничего не сделает?

Пила пожала плечами.

– Вряд ли он станет вмешиваться. Кто она ему? Нет, Кивен прав, никто не захочет вставать между мужем и женой. Богиня не велела, да и неблагодарное это занятие!

– Тогда я сама его прибью! – мрачно пообещала уже слегка опьяневшая Лика.

Пила налила еще вина.

– А кормить ее кто будет? Ты?

Вопрос был чисто риторическим.

– Но неужели ничего нельзя сделать? – простонала Лика.

– Ну почему же? – Пиле во хмелю сам змей был не брат. А вино оказалось крепким и накрывало так, что дай боже. – Можно к ведьме сходить, пусть приворотное зелье сварганит! – Пила пьяно хихикнула. – По-моему, моя мачеха к ней точно наведывалась, судя по тому, как она сейчас из отца веревки вьет!

– Шутишь? – удивилась Лика. – Здесь, что, правда, есть ведьма?

– А ты что, не знала? Она живет рядом, на соседней улице, крайний дом. Да ты ее видела! К ней со всего Олгена бабы шастают мужиков привораживать!

– И как, помогает?

– Еще как! Она же зарегистрированная, у нее и бумага из храма есть. Все чин чинном!

– Тогда это идея! – тут же загорелась энтузиазмом Лика. – Пошли!

– Эй, ты чего, прямо сейчас хочешь идти?

– А чего тянуть? – от всей пьяной души возмутилась подруга. – Пока мы будем ждать, он ее вообще убьет!

– Тоже правильно, – согласилась Пила, разливая остатки вина по стаканам и мимоходом удивляясь, что оно так быстро кончилось. Лика встала, слегка пошатываясь, сбегала за плащами и деньгами, и они, поддерживая друг друга, направились к ведьме.

Жизнь давно отучила Далиру чему-либо удивляться, и уж две хорошо набравшиеся девушки в любом случае не смогли бы вызвать у пожилой женщины это забытое чувство. Тем более что пришли они за тем, за чем обычно приходили в этот дом все женщины. Разве что светленькая показалась Далире на секунду странной, но не более того. Поэтому она спокойно начала делать свою обычную работу. Сначала расспросила, что и как, потом насыпала трав в котелок и приступила к самому важному. Для того чтобы зелье получилось, надо добавить в него немного удачи, которую она обычно забирала у клиенток. А чего они хотели, за все надо платить! В храме такое зелье называли «грязным», но клиенткам до этого, как правило, не было никакого дела. Лишь бы работало. И жаловаться на приготовившую его ведьму они не спешили. Скорее, жалобы последовали бы, если бы она решила сделать его «чистым», которое срабатывало в одном случае из десяти.

Далира внимательно оглядела девушек и протянула руку к брюнетке, потому что светлая на тот момент показалась ей еще более подозрительной, чем вначале. Но сделать то, что она планировала, ей не удалось. Пьяная в дым блондинка со всей дури двинула ее по руке.

– Ты, старая корова, назгул тебе в задницу, не смей ее трогать!

Далира зашипела от боли, с ужасом осознав, что получила не только по руке.

– А ну, пошли вон отсюда! – неожиданно истерически завизжала она, в первый раз в своей жизни по-настоящему испугавшись. Все ее чувства кричали ей о том, что эта девчонка может, не особенно напрягаясь, развеять ее в пыль.

– Как пошли? А зелье? – возмутилась брюнетка, даже не догадываясь, *чего* она только что избежала.

– Пусть *она* тебе зелье варит! – отрезала Далира, напирая на них всем своим немаленьким телом и подталкивая к выходу.

– Слушай, чего она так разоралась? – уже дома недоуменно спросила Пила, распечатывая еще одну бутылку вина. – Из-за того, что ты ее огрела, что ли?

– А нечего к тебе руки тянуть! – агрессивно заявила Лика. – Еще раз потянет, я ее так шархну, что костей не соберет!

– Да ты ее и так не хило шархнула! – восхитилась Пила. – Ни разу не видела, чтобы она так разорялась!

– А то! – пьяно хихикнула Лика. – Сдавайся, ведьма, ночной дозор!

– Да, все это, конечно, здорово, – сказала Пила, опрокидывая очередной стакан, – только где мы теперь приворотное зелье возьмем?

– Да-а! – снова расстроилась Лика. – Бедная Нета!

– Слушай, а как там она сказала? Пусть тебе твоя подруга зелье варит?

Лика честно попыталась вспомнить, но у нее не получилось.

– Ну...

– Так, наверное, она в тебе силу углядела, и ты тоже сможешь зелья варить?

Вот это Лика поняла хорошо.

– А что, и смогу! – с пьяной уверенностью заявила она, и начала шарить по кухне в поисках необходимых ингредиентов.

На пол посыпались пучки трав, которые Дорминда хранила здесь на всякий случай. Она отобрала некоторые из них и довольно улыбнулась.

– Так, то, что надо!

Набрала в кастрюльку воды из стоящей в углу бочки, предварительно расплескав половину и не обратив на это никакого внимания, поставила на огонь. Магическую зажигалку Таш ей все-таки купил, и с его разведением даже у пьяной Лики проблем не возникло. За время, пока вода закипала, она старательно крошила сухую траву ножом, что-то бормоча себе под нос. Пила не вмешивалась, не забывая, однако, наливать вина себе и подруге.

Вода закипела, и травы отправились в кастрюлю. Вариво побулькало минут пять, и Лика решительно сняла его с огня и поставила на стол.

– Теперь самое важное! Наговор!

Она наклонилась над котелком, и куда подевался хмель? Движения стали плавными и уверенными, на лице и в глазах не было заметно и следа опьянения.

Неуклюжие стихи полились, вводя в транс и ее, и совершенно обалдевшую от такого поворота Пилу.

Серая вода, чужая беда,
Ненависть подлая,
Змея подколотная,
Покинь сердце холодное!

А у белых ворот
Конь копытом бьет,
И со светлых дорог
Молоко течет.

Уходи впотьмах,
Позабудься, страх!
Прячься в темных углах,
Не блисти в глазах!

Там у синего бога
Стоит любовь у порога
И тем, кто не спит,
Прямо в душу глядит.

Подними свой взгляд,
Приходи в мой сад,
В тишине ночной

Загляни в окно.

Там горит свеча,
Свет блестит в очах.
Там опять не спят,
Там рядом сидят.

Связанные – не развяжутся,
Скованные – не расцепятся,
Молодые друзья, светлые супруги
Неотанна с Кивеном!

Лица дунула на отвар, и глаза ее на мгновение засветились зеленым светом, впрочем, Пила не была на сто процентов уверена в том, что это было наяву, а не показалось ей с пьяных глаз.

Лица подняла голову.

– Ну, что, идем?

– Куда?

– Как куда? К Нете, конечно!

– Эй, подруга, а ты что, не помнишь, как нас с тобой сегодня оттуда выперли?

– Ничего! – Лица была уже в таком состоянии, что ей было море по колено. – Скажем, что пришли мириться и покажем бутылку! Я не знаю ни одного мужика, которого нельзя было бы соблазнить дармовой выпивкой!

– Ну, это да. А вот как ты собираешься подсунуть ему свое зелье?

– В вино добавлю, разумеется! – Лица уже вытащила еще две бутылки и начала отливать от каждой понемногу. Потом взяла кастрюльку и щедро разбавила вино своим варевом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.